

Олег Зареченский

**Ховальщина. Или приключения
Булочки и его друзей**

«Издательские решения»

Зареченский О.

Ховальщина. Или приключения Булочки и его друзей /
О. Зареченский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852389-2

Всем тем, для кого «йогурт» так и остался позднеприобретенным словом, а пятнадцать копеек радостно тяжелили карман медными пятаками, и не было ничего на свете, чего нельзя было бы купить за эти деньги, и не было места на земле, куда невозможно было бы с помощью них попасть, — о нас с вами...

ISBN 978-5-44-852389-2

© Зареченский О.
© Издательские решения

Содержание

I		7
	Начало	7
	Новый год	10
	Радуга	12
	Белогвардейские цепи	15
	Куба	20
	Имени Пятницкого	23
	Театральный кружок	26
	Хоккей	29
	Первое сентября	31
	Олимпиада 80	38
	Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ховальщина

Или приключения Булочки и его друзей

Олег Зареченский

Художник Василиса Зареченская

Обложка Василиса Зареченская, «Новогоднее настроение». Бумага, черный маркер, белый корректор.

© Олег Зареченский, 2017

ISBN 978-5-4485-2389-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О всех тех, для кого «йогурт» так и остался

*позднеприобретенным словом, а пятнадцать
копеек радостно тяжелили карман медными пятаками,
и не было ничего на свете, чего нельзя было бы
купить за эти деньги, и не было места на земле, куда
невозможно было бы с помощью них попасть, —
о нас с вами...*

**Повествование ведется от лица
тринадцатилетнего мальчика
по прозвищу Булочка**

*И, конечно же: все имена героев вымышленные, любые
совпадения – совпадения случайные*

Я благодарю: Владимира Смирнова,
Лику Длугач, Максима Гузова,
Юрия Бугу, Александра Артемова, Инну
Харламову, Надежду Барц, Илью Аксельрода,
Антон и Ирину Шрамковых,
Ольгу Григорьеву, Ирину Андронову —
за помощь и участие.

И, конечно же – родственников и
ближайших родственников, в первую очередь,
жену и дочь – за помощь и терпение.

Фантасмагория в трех частях.

I

– Дуб, орех или мочало?

– Дуб!

– Выбиваем правый зуб!

Начало

Если с самого утра у вас внизу проложено, как свежим сеном, вчерашним пирогом с капустой, а, поверх этого, неровными рядами лежат макароны по-флотски, создавая порядную кирпичную кладку, швы которой темнеют говяжьим фаршем, и все это сдобрено, словно для устойчивости и нетленности конструкции, изрядным количеством сухофруктового компота, который, пропитывая толщу сооружения до самого фундамента, придает всему элемент однородности и основательности, да так, что любые попытки переварить все это в ближайшее время и выйти с легкостью из положения не представляется возможным – значит, вас кормила завтраком моя мама. Нет, ничего плохого в этом нет, вы проживете свои годы легко и успешно, пронесетесь на крыльях вечной молодости, благоухая здоровьем и источая аромат свежей выпечки. Но при одном условии: ваши голенища будут нещадно хлопать на ветру короткими брючинами, рукава у рубашки будут обнажать запястья, а ботинки – бессовестно жать, да ладно бы жать, давить изо всех своих дурацких скороходовских сил вам на пальцы. И эти бедные растопырки будут рваться из них наружу буграми облезлой кожи, обнажая заменитель. Если вы согласны проходить жизнь в сытости, где погоня за утренним автобусом может закончиться битвой несварения с жизнью, а заполошная курточка будет щегольски прикрывать ваше тело только на празднике мира и труда где-нибудь в глубокой сельской местности, тогда вам к нам, добро пожаловать, любитель набитых желудков и полных животов! Ибо нет ничего важнее утреннего приема пищи, и, выпуская тебя на волю со словами: «теперь я спокойна за тебя, сынок», благодатные наши родители обдают нас запахом пороха, и вместе с трепетно засунутым в карман яблоком, ты вкушаешь жмых и глиняную лепешку их послевоенного детства.

А теперь беги, допив компот и оставив на дне его размякшие от удовольствия грушияблоки, беги в даль беспросветную, темную даль желудка твоего. И, уповая на себя и Господа Бога, надейся на то, что к третьему уроку физкультуры все рассосется, и наскоро перехватив в школьной столовой азу по-татарски, тебя не стошнит прямо на беговую дорожку вчерашним ужином, хотя ужин только и может быть вчерашним, если тошнит тебя днем.

...Когда это все началось, он не помнил. Помнил только сандалии, такие красные в дырочку, и грузовичок, вцепившись в борта которого руками и заняв положение, близкое к четверенькам, он катил от подъезда собственного дома во двор.

Очень трудно было придумать себе какое-либо имя, но его все звали Булочкой. Некоторые даже думали, что у него фамилия такая – Булочкин. Но фамилия у него была другая, а имя свое он получил за большие щеки, которые было видно даже со спины, и это притом, что был он весьма худого телосложения.

Дом, где Булочка жил с родителями, представлял собой утопающее в зелени четырехэтажное строение вытянутой формы, стоящее в окружении домов одинаковой высоты, но не привычных по форме для глаз обывателя. Очень многие из них были в форме куба, и носили у местного населения ласковое прозвище «коробочек». Пара домов застройки имела даже элементы декора, и если прищуриться, лучше в сумерках конца месяца мая, то и дворы, и зелень, и стоящие вокруг дома, и сохнувшее на веревках белье, и тихий струящийся свет из только загорающихся окон, все покажется Италией, не меньше, если конечно воображе-

ние не подкачает. Если есть, конечно, воображение. Чтобы так прищуриться, через ресницы посмотреть на все в сумерках, и уже дом не как дом, и штукатурка как-то не облезло, а живописно обвивает стан фасада, и кирпич уже особенный, если близко к нему присмотреться, не ровными рядами лежит, ровно вообще его класть никто не умеет, а как будто нарочно его кто-то двигал в надежде найти место каждому камешку. Место определенное, неповторимое. А швы между ними, поднеси к ним глаза, уткнись носом в холодных запахах цемента, и вдруг откроется, что и шов имеет профиль, сечение в полукруге необычное, а из трещины нет, да и выскочит на тебя жужелица, а ты ее, раз, и поймал. И в коробок спичечный, с надписью «Гигант», но читать ты пока не умеешь, только догадываешься, что это надпись, а про что, не знаешь. Это не в троллейбусе от бабушки, тетюшек добродушных обманывать, когда мимо полукруглой вывески «Рыба» зеленым цветом отливающей неоновым. И радостно, главное чтобы не проехать мимо, а то потом не будет надписей, на весь салон провозгласить, «Ры-ба», типа по слогам сам прочитал, и все рады, такой маленький, а уже читает. А ты стоишь, улыбаешься, и только мама знает. Знает, тоже улыбается. А надписи целых три подряд, потому что окон, а точнее витрин с полукруглыми арками, тоже три, и над каждой «Рыба», и хорошо, а то если бы разные, то пришлось бы все заучивать. Но Булочка, он бы и пять заучил, ему все равно, чего запоминать. Айн, цвайн, драй, он до трех по-немецки раньше выучился. И вот ты коробок в карман положишь, идешь себе по двору, довольный, а он гремит, и ты даже из кармана чувствуешь, как шубуршат в нем жужелицы.

Так вот, в этих дворах, помнишь, детям разной величины было принято собираться вместе и устраивать разного там рода игры. Одной из любимых булочкиных была игра в «хромого». Не в хромого дядю Толю, с чьим сыном ты дружил, из соседнего подъезда. И в квартиру к которому было очень удобно входить прямо с улицы, потому что дверь была не нужна, окна до земли почти доставали. А двери, двери какие, помнишь. Всегда внизу в следах маленьких ног. До кнопок никто не доставал. А надо было собрать команду, чем больше, тем веселее, выбрать водящего, и по принципу салочек от него бегать. Главное отличие от той известной игры, той, в которой не хромают, состояло в том, что все это происходило вокруг трансформаторной будки, и водящий должен был почему-то прихрамывать. А хромой дядя Толя тоже прихрамывал, и может от него, все-таки, пошла эта игра. Но он не обижался, все равно. А летом было приятно зайти прямо в окно к нему в квартиру и попить водички. Просто все мимо пробежали, и заскакивали сразу на кухню, окно-то открыто всегда летом, попить.

А другое популярное развлечение было каким, не каждому детдомовскому даже по силам или заезжому сорванцу, потягаться. Недалеко от дворов простирались эти многочисленные цеха заводов и фабрик, на которых загадочным образом что-то производилось, и от которых каждое лето отправляли детей в пионерские лагеря на желтых лiazовских автобусах, а если отряду повезло больше, то и на Икарусах, правда, Булочка обычно больше любил отечественного производителя, занять там место на боковом сиденье за стеклом кабины. И разглядывать. А кабина чем только не украшена. И периметр стекла кисеей отделан золотистой, как на знамени, и изолента разноцветная по всему салону расклеена. И фотки. Женщины сплошные, все блондинки. А руль, какие баранки были у лiazовских автобусов. Сейчас такие только в далеких южных странах можно встретить. Ну, если водитель не какой-нибудь, а ценитель прекрасного, и со старанием.

Так вот, цеха этих загадочных заводов, а может и сами заводы, соединялись железной дорогой, пути которой, в свою очередь, были огорожены с обеих сторон высоченным деревянным забором. Получалось что-то наподобие туннеля, только без крыши. Идешь, идешь по нему, и только небо видно, если дерево какое-нибудь не застит глаз. А больше ничего не видать. Только забор с двух сторон и тянется, некрашенный такой, но высокий, высокий. А надо-то, пройти всего на всего по туннелю-то этому, пройти от одного завода до другого по этой дороге, но не просто так, а подгадать, да, а то были одни, они просто пробежали, ну

и чего, так они потом больше и не приходили. Так вот, твое время прохождения должно совпасть со временем движения поезда, а за поворотом не видно ничего, и назад оглянешься, тоже не видно. И откуда он поедет, не понятно, а может не поедет. Так и машинисту не видно. Дядьке в кепке, точнее фуражка кожаная у него была, с околышком. Вылитый революционный рабочий с Путиловского. Он орал громче своего паровоза, электровоза точнее. Поэтому и тихо подъезжал, не слышно, вот и страшно. И Булочка, идя с приятелями в этом туннеле по шпалам железнодорожного полотна, который поворачивал так, что возможность увидеть что либо впереди, хотя бы метров за пятьдесят, становилось невозможным, всегда в тайне надеялся, что поезда не будет, что он пойдет в другой раз, но не сейчас.

Иногда он прикладывался ухом к холодным рельсам, и, втягивая носом неповторимый запах мазута вперемежку со свежим железом, а какое оно еще может быть, именно свежее, если бликует на солнце шлифованной поверхностью, а не ржавеет на запасном грязно кирпичной охрой, надеялся определить – идет ли поезд. Так его учили старшие, да только ни разу не слышал. Мол, по рельсам звук быстрее передается, чем по воздуху. И сразу услышишь. Ему кто бы послушать дал, чего услышать надо, а так не понятно, какой звук извлечь из железа.

Много звуков мерещилось, а нужный какой, не ясно. Но нет, громадина выплывала из-за поворота всегда бесшумно и неожиданно. И, вот тогда он с друзьями прижимался изо всех сил спиной к забору, который надо сказать, подходил к полотну довольно близко, и под озверелый гудок машиниста, считал вагоны. Булочке иногда казалось, что вагон или сам тепловоз зацепят его за нос, или, если повернуть от страха голову набок, за щеку.

Еще рядом с железкой текла речка, по названию и по виду речка-вонючка, не какая-нибудь Река Уважаемая, а просто – «речка—вонючка». Правда, не смотря на название и запах, в ней почему-то водились пиявки, которые вроде как любят чистую воду, такие толстые, черные, извивались они всегда сильно на палочке, если их держать, как фокусник. Их Булочка с приятелями и ловил, но так как промышленного значения в жизни детворы они не имели, а больше никто не ловился, их выбрасывали обратно. Странное дело, пиявки водились во всех речках, попадавших в те времена Булочке, или так казалось.

Как и у всех нормальных людей, у детей тоже были типа деньги, но не дурацкие бумажные, а самые настоящие монеты. Такими карманы набьешь, они побрякивают тускло, не звонко, как пятаки медные, если в трясучке сойтись с ними, они правда и в ладонь не всегда влезали, поэтому тряслись обычно по копеечке, у кого духу хватит по пятаку трястись, да и не было ни у кого пятака, так, разве что Булочка один раз нашел на трамвайной остановке, отцу отдал. Поэтому своя монета звенела. Особенная. Делалась она просто – у магазина, стоявшего на перекрестке границ владений булочкиной компании с остальным миром, имелся газон, в который аккуратные дядечки выкидывали пивные пробки от только что приобретенных бутылок. Пробки были все, как правило, из-под Жигулевского, и имели на своем фасаде выпуклые иероглифы чего-то, наверное, обозначающие время и дату розлива. Имелся у этих пробок, помимо их массовости, и еще один недостаток – в те времена натурализма и еще не полной победы химии, внутренности этих пробок в качестве уплотнителя были заполнены пробковым деревом, которое для превращения пробки в монету удалялось посредством выковыривания ногтями. Занятие не самое приятное, но необходимое. Много выковыривать приходилось, чтоб в карманах звенело. После вышеуказанной процедуры пробки плющились об асфальт подручными средствами и становились звонкой разменной единицей. Но попадались пробки иностранные, наверное, чешские, с изображением пивной бочки в цвете и с пластиковым уплотнителем внутри. Понятное дело, это были уже червонцы по отношению к остальной мелочевке. Ценились также и пробки с надписью «Пепси», но в этом газоне почему-то они водились редко. Булочка тоже старательно ковырялся в земле, выковыривая втоптаные металлические кружочки, и как настоящий старатель, мечтал о самородке в виде чешской пробки. Но найти ее так и не удавалось, и поэтому карманы его были набиты «отечественной» мелочью.

Новый год

Командировки, они зачем людям даются, чтоб ездить в них, знамо дело. А больше и незачем. Хорошо, наверное, в командировках, на поезде тебя катают, на купейном, встречают тебя на вокзалах разных и провожают потом, тепленького и сытого, тискают по очереди в руках крепких, тискают, а потом другому передают, приятно. А кто еще усами щекеочет по лицу, так щекотно. И отец Булочки, тоже в командировки ездил.

Как уедет, так потом по радио объявляют, что запущен очередной искусственный спутник или космонавты на ракете куда-то полетели. А мы уже на вокзал, и встречаем радостно, и тоже тискаем, кто до чего дотянется, и значки потом получаем, и ракету отец однажды привез, настоящую почти, «Восток-1» называлась, с синим иллюминатором, но маленькую, маленькую, как раз на полку торжественно поставить. Но не всегда летом в радостную солнечную пору приезжал, бывало, задерживался до морозов, а там уже и Новый Год, и ты один, с мамой только, а за окном сказка белая, но грустная какая-то. С мамой тоже хорошо, но молодая она еще была, все ускользнуть куда-то пыталась, то на работу, то опять по делам. Замечательная мама, но стремительная чрезвычайно. Это нормально, для молодости, стремительность. Все вроде можно. А уже ограничения пришли. И вроде как приятные, да измочают душу, то ли дело, когда их нет. Или просто не замечаешь. Тоже ничего. Туда пошел, сюда сходил. Там вроде в гости ждут, а у тебя сапоги новые, да кольцо с бриллиантами золотое. И шуба с воротником чернобурки, наверное, пальто, скорее. Искриться мех от снега, приятно к нему щекой приложиться. А дома что, все как всегда. Но до дома еще далеко, стемнело просто рано, и не поздно. Да и ругать кто будет. Сын. Он до последнего на улице с друзьями. К кому зайдет, где перекусит, да и ключ на шее висит. На веревке белой из бинта марлевого скрученный. Страшно ему будет одному, к соседям постучится, до звонка еще далеко ему, все двери в отпечатках маленьких. А я уже скоро, здесь ехать-то от подруги пару остановок, да троллейбусом потом, а потом пешком, да дворами, я быстро хожу.

Вечером, в канун самого Нового, того самого, последнего перед тем как – был еще правда один, да уже не то все равно, ну да ладно теперь – Булочка терпеливо ждал. То есть он, как все дети, и откуда он это только взял, наверное, в саду услышал, подожди, а не в яслях ли он был тогда, помнишь запах яслей, какашки вперемешку с хлоркой, это если на кухню не заглядывать. А на кухне добрая бабушка в белом халате что-то моет, моет, тихо причитая про себя, а все по кругу сидят на горшках, ждут чего-то. Кто родителей, глупый, зачем тогда его сюда привели. Он, правда, орал до последнего, не хотел оставаться, потом какался, специально наверное, писался, опять орал, не ел, его зеленой намазанное лицо кривилось от плача... И зеленые слезы текли, или щеки были зеленные. Но Булочка был не такой. Ему и не особо нравилось, особенно запах, у речки-вонючки был лучше. Но и ничего вроде было. И кашу дадут, и компот. И нянечка в халате, лицо, правда, свое зачем-то намажет вареньем и сидит так. А сируны орут, бедные. Как им объяснить, что домой будет не скоро. Особенно вот этому, с зелеными слезами. Булочка ему уже все свои игрушки отдал, а он все не понимает. Пошел за нянечкой, но той все равно. Он тогда к бабушке из кухни. Пойдем, мол, там. А та бедная вздохнет, руки об халат вытрет, такие красные, она их варит в раковине кипятком каждый день, зачем ей красные руки. Но пойдет за ним, возьмет его, укачает. Тот затихнет, приложит к ее шее голову и заснет. А остальные по горшкам, и опять запах, и хлорка.

А подарки, они же где растут, правильно, под елкой конечно, там у них гнездо, развгодное, там их и искать надо, если только кто удобрить не забыл, полить чем-нибудь специальным под елкой место заветное, а потом веткой нижней прикрыл для пушей сохранности, вроде как спрятал, ан нет, да и торчит кусочек чего-то цветного, яркого, значит, вырос уже, можно собирать урожай. Так и Булочка, вокруг круги наматывал, да все под лапу нижнюю заглянуть

пытался, не высовывается ли что лишнее, или припрятали хорошо, или не время еще. Да ждать уж осталось чуть, ждать он привык, терпения хоть отбавляй, у нас семейное. Дед раз рассказывал, как генерала одного немецкого у реки ждал, пока тот купался, ждет его, ждет, а тот все никак из воды вылезать не хочет, купается. А чего ждал-то, поговорить хотел по душам, что ли – да нет, так просто, штуку ему одну под седло подложил специальную, у саперов одолженную, а уходить не хотел, интересно было посмотреть, как сработает, а то вдруг не получится, и генерал расстроится, уж больно генерал этот полетать хотел, да все не мог без спецоборудования. А дедушка ему как раз и принес, в подарок, поэтому показывать не стал, чтоб заранее не радовать, пусть думает, покупается, неожиданность при вручении, это же вдвойне приятно.

– Может быть он большой, и не влез под елку, – думал Булочка. – Но как бы мама принесла его незаметно?

Уже и спать пора ложиться, может завтра посмотреть, да завтра уже не то, Новый, он только ведь сейчас, значит сейчас ждать и нужно, да где же он, спросить что ли напрямую.

Почему мама так растерялась, может, не надо было спрашивать, или в форму облечь другую, про погоду, например, или про Ленина чего узнать. Искрами лучевыми многократно лицо матери в шарах стеклянных отразилось растерянное.

– Вот сынок, как же я забыла, вот подарок, ты же его так любишь!

Открывайте дверцы всех шкафчиков, ищите во всех ящичках, смотрите на всех полках, дальних и ближних, глубоко зарывайтесь в белье постельное, что штабелями пылиться, заглядывайте на антресоли – не найдете вы подарка Булочке, если не посадили вы туда его выращивать, если не поливали и не холили его там, не будет вам урожая никакого, не прорастет зерно само, без ухода, только дичка случайная может без ухода получиться, а не культура. Так и мама его, судорожно по местам всем заветным прошлась, да вдруг вспомнила как будто что, протянула с улыбкой долгожданное, мармеладом в пакете бумажном было поздравление, что всегда в этом месте покоился – вот мол, как же я запомнила, вот – да где уж там, не обмануть нас, не провести на мякине внимание детское, поняли мы все, только ком сглотнули, да глаза намокли тоской безудержной, размыли все окружение, елку с нарядом праздничным и мамой расстроенной. Заснул Булочка вскоре, и жалко ему было почему-то во сне родственницу свою ближайшую, и себя было жалко, и вообще, с тех пор он стал настороженно относиться к праздникам.

Радуга

Той самой поездкой на желтых лiazовских автобусах в пионерский лагерь «Радуга» было Булочкино лето, в одном, правда, варианте, в другом было по-другому. Да про другой после и будет, а сейчас про этот. Ладно.

Лагерь принадлежал перчаточной фабрике, на ней еще до войны перчатки делали, нет, не перчатки, а варежки с указательным пальцем, точно, с указательным, чтобы можно было стрелять из винтовки или из автомата, скажем. А фабрика за забором двора была, прямо выходишь из дома и видишь через двор этот забор. Его летом только было плохо видно, он был весь в акации. Вкусная акация была, желтые цветы ее очень вкусно пожевать. Сейчас такой нет больше. Совсем нет. Сейчас и деревьев—то нет, из асфальта, помнишь, торчали вдоль тротуара. И решетка ажурная чугунная была, еще не хватало иногда какой-нибудь части у нее, и где земля в том месте голая торчала, обязательно фантики из-под конфет валялись, ветром приносимые, со всего тротуара ветер их собирал, или Толик-татарин, дворник наш, или все-таки ветер? Или это он ветер устраивал своей метлой, взмахнет – в одну сторону подует, другой раз взмахнет – в другую, покуда в нужную дуть не начнет, и все фантики в недосдачу чугунную и собираются. Какие от мишек северных, какие от стратосферы, но все больше от барбарисок, много их, как пробок жигулевских в месте заветном.

А лагерь был довольно старый, тоже, наверное, довоенный, как фабрика, корпуса были деревянные, крашенные масляной краской прямо поверх старой. На солнце разогреется, она, а ты сядешь на перила и прилипнешь, а потом ходишь с полосой на попе синей или зеленой, смотря в каком корпусе сядешь, можно было пионеров по попам отличать полосатым, из какого он отряда. Бедноватый был, конечно, лагерь, не оборонное предприятие все-таки, но опять же, полезное дело делали. Как зимой без варежек стрелять, в мороз лютый. Вот у немцев не было такой фабрики в сорок первом, вот они и мерзли. А Москву и хотели захватить может только из-за этой фабрики, чтоб согреться. Зато, в старом лагере, сколько неоспоримых преимуществ. И дырявые заборы, дались тебе что-то эти заборы. Да заборы, это же ведь как. Это же раз, и ты в другом мире, и чем выше забор, тем интересней другой мир. А в «Радуге», это даже и не заборы были, так, сетка-рабица кое-где натянута, непонятно даже, от кого, то ли от пионеров, то ли от кабанов местных, то ли от деревенских ближайших. Но им, кабанам с деревенскими, или кабанам деревенским, такие препятствия, что нам, детям быстрым, тем более, что дырки в местах нужных уже давно проделаны, так что можно беспрепятственно покидать территорию в любом месте. А на обед всегда услышишь звуки горна, в любом месте леса горн слышно, и если слух вдруг обманется, то желудок подскажет, он у нас за все органы чувств в ответе, контролирующий. И подъем услышит, и отбой не пропустит. Булочка как-то тоже пытался в горн дуть, да только ничего не выдул толкового. На громкий пук было похоже, а на звуки горна нет, не отозвались горнисты. А дежурных на воротах никогда не было, пару раз на крыше сторожки загорали какие-то, и то по собственной инициативе, а в изоляторе – мама. Поэтому были вообще неограниченные возможности по свободе перемещений, тем более, что маму он, как и в Москве, видел не часто. Единственным местом, где территорию нельзя было пересечь, была граница с соседним пионерлагерем «Мир», граница с «Миром», имевшим кирпичные двухэтажные корпуса, волейбольные и футбольные площадки, набор еще каких-то непостижимых атрибутов богатства и хороший забор с соседями. Забор был высокий, и красился регулярней, чем корпуса «Радуги». Опять забор. Но этот был самый главный забор. Забор Заборыч. Через него один раз удалось Булочке заглянуть с крыши столовой, и больше забыть он не мог. Как в кино, все чистенько, все светленько. В общем, два «Мира» – два детства. Попасть туда можно было либо официально, либо попасть в руки местному сторожу или вожатому.

А помнишь очкарика из «Мира», какого очкарика, я их много повидал, ну того, он еще пел:

– От Москвы до Бреста нет такого места, где бы не болели мы за Мир!

Странный народ, эти очкарики! Бывало, выглянут из-за угла, и давай орать на всю улицу: «Долой очкариков!», и все тут, странные люди. И этот, он тогда потерял очки и пилотку. Мы случайно в кустах сидели, малину трескали в малиннике, а он мимо, песню горлопанит, да еще и отстал от своих, или ходил куда, а они ушли. В общем, пилотку за ненадобностью в речку бросили, она смешно так поплыла, поплыла, пока не утонула, а очки подбросили пионервожатому, вещь вроде ценная, как бы чего не вышло. Да и тяжело ему без очков-то, очкарику этому. Все же не звери, хоть и дети. И лягушку надуем, и пастой измажем, и к девочкам в палату втолкнем, но чтоб очки очкарику разбить, или поломать, это нехорошо. А к девочкам в палату, чего в этом страшного? Да, ничего, так просто, холодно в трусах одних бледносиних перед глазами их яркоголубыми с ноги на ногу перетаптываться, а так – ничего. Поизучают тебя внимательно, с ног до головы измеряют, ресницами похлопают, и ну, орать. А подельники твои за дверью стоят, плечами худыми уперлись в нее, держат, как матросы шлюз на подводной лодке в момент прорыва. Но ты толкаться в нее глупо не будешь, у нас уже ходы выходы просчитаны, не всегда ведь в карты везет, ты через палату ланью легкой, щеколду белую от краски вверх, окошко распахнул, и птицей заоблачной уже в свое влетаешь, и в постель, еще тепло твое хранящую, а они пускай стоят, подпирают, титаны хлопковосиние, сейчас приведут их вожатые, если, конечно, не в клубе они, попами джинсовыми друг перед другом крутят.

А как один раз приятель твой. Или это был мой приятель? Не помню. Странной походкой, как-то подволакивая одну ногу; скажи проще – волоча за собой, а то странной походкой! Ну ладно, пусть будет – ковыляя на одной ноге, да нет же – волоча! Ну хорошо; странной походкой, странно волоча за собой одну странную ногу, шел и плакал по тропинке, постоянно сквозь слезы причитая, что кто-то в туалете, а туалеты, да, туалеты в лагере нашем были в самом классическом своем варианте, то есть с дыркой в деревянном полу и выгребной ямой, уронил кусочек, или, лучше сказать, кубик масла на пол, выдававшийся всем на обед, завтрак и ужин. Кубик масла. Два на два сантиметра где-то, а может полтора на полтора. Но не это удивительно. Не мазалось это масло на хлеб. Или вернее сказать, не мазался кубик, или не размазывался. В общем, лежал себе он на хлебе, и еще сотня таких кубиков на белых кусках хлеба, а иногда на черных. Как баркасы рыбацкие в миниатюре выглядели эти куски хлеба с кубиком масла посередине. И ты его хоть обратной стороной вилки, ножей-то не давали, их вообще не давали, сами делали эти ножи, положишь гвоздь большой на трамвайные рельсы, трамвай пару раз туда-сюда по нему проедет, расплющит, потом остальное сам об асфальт доделаешь. Изолентой синей ручку обмотаешь, и вот тебе ножик. Хочешь масло им мажь, хочешь в дерево втыкай. Вещь полезная. А то вилкой алюминиевой мажь, не мажь. Или стороной ее обратной, где олимпийский мишка выпукло улыбается тебе, подмигивает, ну что, спортсмен, размазал масло. Размазал, как же! Гнется вилка о кубик, и все тут. А приятель, у него ножика не было тоже, он из столовой так и пошел, в руке кусок хлеба держит, а на нем кубик масла. А зачем он с собой масло потащил из столовой. Масло зачем? Да у него это, ящерица в тумбочке жила, ручная. Он ее как в начале смены поймал, так потом всю дорогу этим маслом и кормил. Она у него очень масло любила. Сливочное. Языком своим длинным, как в «Мире животных», и уже смотришь, кусочек отхватила. Еще Дедушка говорил, что самая вкусная земляника, та, которую ящерица надкусила. А земляника здесь причем? Да так, просто у ящерицы губа не дура, ей можно верить. А приятель не дошел до корпуса своего, решил по пути наведаться. Где настил деревянный с дырками. Руку держал вытянутой, чтоб равнее кусок хлеба лежал, да не углядел, видно, или отвлекся. Упал кубик на пол. А он когда поворачиваться стал, чтоб поудобней на корточках устроиться, чтоб не накапать мимо и точно в цель, чтоб сразу бульком знакомым отозвалась дыра темная в тишине тихого часа, облегчением на волю отпуская заблудшего по случаю

такому пионера терпеливого от нетерпения торопящегося, на доски старые под влагой размякшие, графитным цветом рельеф проявляя, куда упереться, в какую гладь шлифованную вашу, доски староструганные, сандаликом голубеньким в дырочку ступить неуверенно. Бой барабанов в минуту тишины раздайся и смолкни, застынь ужасом тихим в глазах зеленых оттенка коричневого, прояви терпение перед незадачей такой коварной, скользит масло по поверхности, по любой скользит проклятое, а под подошвой нашей тем более. Спасся, проявил реакцию отменную приятель мой лагерный, мог ведь совсем за так пропасть в жерле всепоглощающем, по горлышко уйти в проклятую, но успел, только одна нога утопла, Ахилес подмосковный, не дать не взять. Идет себе по дороге, приволакивая: один сандалик как сандалик, а другой, да что там смотреть, и так по запаху все ясно.

Зато у этих туалетов имелось одно неоспоримое преимущество. Раз в неделю приезжала машина с цистерной и насосом, и откачивала содержимое ямы. Машина сами знаете, как называлась..... Ее приезд почему-то вызывал дикий восторг у пионеров и собирал вокруг кучу народу, в задачу которого входило следить за тем, как в маленькой стеклянной про- рези цистерны покажется, покачиваясь, темная масса и тогда, издав вопль восторга, сообщить дядечке, что говна уже хватит.

Белогвардейские цепи

*...Две жердочки березовый мосток
Малиновкой опять ко мне вернулись...*

Но это было раз. Голые тонкие ноги в шортах синих вышагивали по плацу в надежде на первое место. Не дали, но смеялись зато все, и не у всех ноги были тонкие, у некоторых даже приятно пухлые, ну ты любишь такие. Не такие, просто нравится, когда мясо тоже есть чуть-чуть хотя бы, ну аппетитно чтоб выглядело все, а то тростиночки, это как, подломятся и все. И пели смешно, про жердочки. Но один раз всего. А обычно что-то знакомое с детства доставалось. Типа Щорса или Бойца молодого. Вот как раз в этом бойце и пелось про какие-то неведомые белогвардейские цепи, на которые поскакал бесстрашно отряд. Зачем белогвардейцам цепи, они же не моряки, чтоб якоря на них вешать, и каково их хозяйственное назначение, не понимал Булочка. Ему казалось, что беляки стоят и держат их в руках и почему-то на них надо скакать красным. Эти цепи, сверкающие вдали у реки своей нержавеющей сталью, будоражили воображение, и всякий раз, выходя вечером за территорию лагеря и глядя с холма на темнеющие вокруг леса, ему мерещились то тут, то там вспыхивающие огни этих цепей. Булочка поеживался, и возвращался на территорию через знакомую дырку в заборе ускоренным шагом.

А вечером, после отбоя, когда в палате вожатый выключал свет, а за окном красным пожаром светилось небо, или бесконечным шипением шел дождь, так что окна отражали только происходившее внутри, но никак не хотели становиться хоть сколько-нибудь прозрачными, только если с обратной стороны к ним вплотную прижаться, с улицы то есть, только тогда видно, а лучше не смотреть на окно, потому что прижмется если кто, оттуда, так лучше не встречаться с ним взглядом, одна девочка встретила, так окосела на всю жизнь, а мальчик один, он вообще потом. А маньяк тоже ходит и к стеклам лицом прилипает, чтоб лучше рассмотреть, кто внутри, и ветер, если шумит и птицы каркают, то это он идет, птицы всегда каркают, когда он ищет жертву, ну не жертву, жертв тогда не было, кого убить ищет или в лес загнать. Пионервожатую в прошлом году, одну, не здесь, рядом, ш-ш-ш-ш, опять ветер, слышали. А про черный, черный город, про черную, черную улицу, про черный, черный дом, это как. А вы? куда с одеялами, чего у окна не лежать вам, сегодня он не придет, сегодня ведьма из пруда, она всех подзывает к себе, манит, когда купаешься, и незабудки потом на этом месте, где девочка плакала по брату.

Голубые такие цветочки, много их. Булочка как-то за территорией видел такой пруд небольшой в лесу, и мостки деревянные гнилые у берега, и в незабудках все, и вода темная, отражает их цвет нежный, а где отражение не падает, там как будто глубина большая, и смотришь, смотришь в нее, а она словно на тебя оттуда, или кто другой, и Булочка раз смотрел, смотрел, и показалось, что подплыл кто-то с той стороны темной глади, и тоже смотреть на него стал, долго так и пристально, и глаз не оторвать, и уйти охота, и почудилось вдруг, даже не почудилось, просто в голове мелькнуло:

– Черепахи!

И только сознание озарилось этим, как окликнули его голоса девичьи, одноотрядные, не смотри, мол, долго в воду темную, не то будут и на твоём месте незабудки потом полем бирюзовым цвести. Так и пошел прочь Булочка, не оборачиваясь, а так хотелось.

Неприятно, силуэты какие-то, негромкие постукивания и разные голоса...

*Один раз послала мама дочку в магазин
за унитазом, и строго строго наказала*

*не покупать черный унитаз. Но в магазине
не было унитазов других расцветок, и девочка
купила черный. Пошел ночью папа в туалет,
потом пошла бабушка и не вернулась,
потом пошел брат и не вернулся. Пошла
тогда сама девочка в туалет и видит,
что вся семья стоит вокруг унитаза, писает,
и остановиться не может.*

Булочка как-то тоже прослушал один из рассказов про некую девочку, которая в виде белого пятна являлась в ночь с четверга на пятницу разным людям и говорила на ухо:

– Ты умрешь завтра!

И люди умирали. Булочка так проникся историей, что стал по четвергам накрывать левое ухо одеялом, левое потому, что спал он обычно на правом. А потом, боясь, что девочка или он перепутают дни недели, стал накрывать ухо каждый день. Он справедливо полагал, что если привидение придет, увидит закрытое ухо, то говорить ему будет не во что, и оно уйдет обратно.

*Если к ишишке привязать бинт, а потом сильно
раскрутить и отпустить, то такая ишишка
полетит высоко в небо, а за ней как белый след
от самолета, будет развиваться белая материя
бинта.*

Когда машина, грузовая конечно, легковая не проехала бы, конечно грузовая, с кузовом закрытым и звуком диким, и запахом газа, помнишь запах газа от нее, вкусный запах, приятный. Когда эта машина в дождливое лето проедет по земле, или по газону проедет, а потом дождь пройдет, сильный дождь, то лужи потом в следах этой машины получаются, глубокие местами, не во всех сапогах перейдешь эту лужу, с берегами она крутыми, и глубина сразу начинается в такой луже, а не постепенно, и пить из нее конечно нельзя, это тебе не лесная лужа, когда Бабушка, помнишь, говорила тебе, хочешь пить, вот, пожалуйста, а лужа лесная тоже чей-то отпечаток, только след уже травой пророс, и вода стоит в нем чистая, чистая, все дно видно, а по верху водомерки. А чей след, уже и не понятно, то ли телега прошла прошлым годом, то ли трактор с прицепом, в позапрошлом, а может, туда, кто из зверей наступил потом, это уже точно не известно. Но с таким отпечатком ты пить не будешь, от зверя какого или домашнего животного, такой и Бабушка не предложит, все сказку помнят. Из колеи, зато, пожалуйста, отгонишь рукой водомерок, и бычком из нее, а вода вкусная, на травах настоящая, душистая.

А была еще ямка небольшая пастухами выкопана, подле сосны, что прямо на болоте стояла. И вода в ней была темно зеленого цвета, ну чистый «Тархун», только без газов, всяк мимо проходящий попить останавливался, встанет бычком в нее, и давай шумно всасывать вкуснятину. Зеленую, со вкусом хвои. Но это на болоте, а в лесу, конечно, другой вкус у луж, Булочке он все же больше нравился, за прозрачность свою и запах.

Так вот, когда из лужи пить нельзя, да и пить не хочется вовсе, то гладь эту водяную мутную, использовать можно и по-другому. – Как? – спросишь ты, ну не так конечно, как всяк глупый неразумный, что вышагивает по ней в сапогах детских резиновых, брода не зная, а по-умному типа, то есть со смекалкой и сценарием. Или по-пионерски, с опытами там всякими, как на уроке химии, но химии тогда еще не было у нас, у вас, может и не было, а у нас с Юрасом уже была. То есть у Юраса была, а мы участвовали. В виде набора «Юный химик» за 25 рэ, не за 5 эре, как у Карлсона, а за двадцать 5 рэ! Вам такое и не снилось, как и нам впрочем, зато Юрасу и снится не надо было, да и спать ложиться для этого. Заходи, говорит,

как-нибудь, опыты ставить будем, как медь купоросную получить из гвоздя обыкновенного. Зашли, получили, без всякого знания предмета, то есть предмета еще не было, а мы уже получили. Так часто в школе бывало – глава по биологии 47 для самостоятельного изучения, и все типа, без объяснений и практики. Но это после, а сейчас Юный Химик. Ценнейшая вещь! Смесь инструкции и экспериментов. Как квартира цела осталась, до сих пор не понимаю, а то где бы Юрка потом с родителями мыкался, но им не привыкать, они вроде тоже как химики были, или что-то в этом роде. Везло нам короче, ну и им заодно, везло тоже.

Так вот, когда со смекалкой и небольшим знанием вперемешку с опытом, то это даже очень просто. Достаточно взять небольшую веточку, совсем небольшую, катер все-таки, длинной не длиннее спички (спички как раз лучше не брать, плавучесть у них плохая), и обмазать один конец ее свежесрезанной смолой соснового дерева. Смолу надо подбирать со знанием дела, не очень густую и не очень жидкую, а то не поедет. Затем опускаете катер-веточку на воду, смола вступает в реакцию с водой, и веточка начинает плыть, оставляя за собой масляный переливчатый след, как будто от настоящего корабля. А если еще на нее сверху муравьев посадить, из муравейника ближайшего, то совсем по-настоящему получится – с матросами и кораблекрушениями. Правда, ненадежные мореходы муравьи, ненадежные. Бегают, суетятся по палубе, волну нагоняют, нет, чтобы спокойно плаванье пережить. А может, от природы, в них морская болезнь заложена, всяко бывает, вот и кружится голова у мелких, и мутит от перспективы водной поверхности.

– Хорошо, что это были черные муравьи, – говорили со знанием дела товарищи Булочки, глядя на то, как он, пританцовывая, держась за очевидные места, ходит вокруг лужи, и для солидности качали головой, – А вот если бы были красные, совсем бы не поздоровилось тебе, красные гораздо больнее кусают.

Эники-Бэники ели вареники... Кто такие эти «эники-бэники»?

Или вот еще считалочка:

*Шла машина темным лесом
За каким-то интересом,
Инте, Инте, Интерес,
Выходи на букву эС.
Буква эС не подошла
Вышла бабушка Яга,
А за бабушкой Ягой
Вышел чертик с колбасой,
А за чертиком луна,
Черт повесил колдуна.
А колдун висел, висел,
И в помойку полетел.
А в помойке жил Борис,
Председатель дохлых крыс.
И жена его Лариса, замечательная крыса.*

Привлекательность этой считалочки состояла в том, что не каждый знал ее до конца, и если ты брался считать, то мог остановить считалочку на удобном тебе месте, и, по сути, выбрать водящего, поэтому такое ценное знание давало определенные преимущества перед остальными участниками игры.

Была в обиходе еще классическая, которую знали все:

*Вышел месяц из тумана
Вынул ножик из кармана.
– Буду резать, буду бить,
Все равно тебе водить.*

Но Булочка ее как раз поэтому почти не использовал.

Речушка. Не речка. Не река. Речушка, за журчание, или потому что журчит, речушка. Или так – речушка журчит, и если московский аналог имел известное всем название за свой запах, то эта имела название за свою глубину, и попросту звалась Мелкашкой. Речушка Мелкашка журчит. Было ли это официальное название реки, или очередное прозвище, данное ей детворой, не известно. Но была она и правда мелкая, и тоже с пиявками. Последние были хорошо заметны на перекатах, и извивались, уносимые течением, такие красные, (в Москве были черные), в общем, пиявки как пиявки. Красных боялись только больше, мол, красные потому что. И действительно, если черные казались спокойными, неторопливыми лентами, то эти были активные, неслись по течению, и казалось, на ходу норовили впитаться в тебя, но ты ловкай, ты ногу быстро убираешь, и летит она себе милая дальше, в даль загадочную, и если продлить эту даль, да сесть на плот пенопластовый, из листов друг на друга уложенных плот, да оттолкнуться клюшкой хоккейной, но сломанной, новой жалко, и поплыть по направлению, то можно при старании и в речку побольше, а там и в Москва-реку недолго, а там Ока, а дальше Волга, и вот уже бьется о берег волна Каспия, вот уже шуршит под ногами морской песок, и люди в неведомых цветных одеждах несут плакаты с твоим именем. И ты загорелый, довольный, опираясь на клюшку, точнее на палку с надписью «Хоккей», приветствуешь их своей довольной физиономией. Если не свернешь по пути в Волго-Дон, если не придашь веслами ускорения своему судну, да оттолкнувшись посильней, не обретишь вдруг берегов Дона, а по нему в Азов, эх, все равно до Черного не добраться, не потянет пенопласт многослойный Азовского моря, водоизмещением не потянет. Хватит и до Каспия.

И любили на эту речку пионервожатые водить детвору типа купаться. Очень удобно, никто не утонет по известной причине, поэтому ответственности никакой, и можно расслабиться и позагорать. А на процедуру эту, то есть загорание, или как говорил Лешка Чугунков, секс для нищих, следует обратить особое внимание, и Булочка его обращал, правда, похоже, один в отряде. Хотя, что такое этот секс, было ему неведомо, но что-то подобное при виде загорающих вожатых, ему казалось, он ощущал. Именно секс, то есть непонятно что, но похожее на все происходящее. Нищие, правда, не окружали их заботливым вниманием, да и не было нищих никаких в радиусе сотен километров, да и те в кино, наверное.

А все дело в том, что вожатые как-то странно носили свои купальные костюмы, купальники то есть отдельные, а вожатые были девушками, и, наверное, симпатичными, но лиц Булочка не помнил, а помнил как раз то, что открывали его юному взору подвернутые со всех сторон трусы и бюстгалтеры воспитателей. Для солнечной инсоляции они это делали, очевидно, не иначе, и чем больше отвернешь, тем больше тела своего волшебного лучам откроешь, и не только лучам. И вдруг выглянет ложбина какая нежным пухом покрытая волнительная, или объем какой лишней покажется из под материала цветастого, на веревочках не всегда крепко висящий. Очень это его интересовало...

Похожее волнение ему пришлось уже испытывать как-то раз, когда по какой-то причине его вели в бассейн через женскую раздевалку. То ли записываться к тренеру его вели и не нашлось мужского провожатого, то ли была еще какая-то причина, но вели именно через женскую. Булочка никогда не любил донашивать за старшей двоюродной сестрой ничего, считая это презрительно девчачьим, особенно белые трусы ее, он все мечтал о черных, шортиками, но удел младшего таков, донашивать иногда, но терпеть он их не мог, потому что ни

на секунду не сомневался, что на девочку он не похож и идти через женскую раздевалку глупо, очень глупо, но интересно, ужасно интересно....И как глупые провожатые не отворачивали головы его в сторону, противоположную шкафчикам, зеркала на стене оппозитной показывали мельком все самое интересное, что нужно было увидеть.

Куба

А еще был у Булочки в лагере закадычный друг, Лешка Чугунков. Лешка как Лешка, Чугунков, как Чугунков. Как-то вечером Лешка подозвал его к окну, и, протянув руку куда-то в сгущающиеся сумерки, произнес:

– Смотри, Куба далека.., Куба далека.., Куба рядом...

Мальчик долго всматривался в горизонт по направлению руки своего друга и представлял себе неведомую страну, этакую Кубу, где ведут неравный бой революционеры за счастье трудового народа. Но почему она, то рядом, то далека, Булочка так и не понял, но эти слова из популярной тогда песни в сочетании со странным жестом его лучшего друга, навсегда запечатлелись в его памяти.

Лешка, как и Булочка, был старожил пионерского лагеря, насколько можно быть старожилем в восемь лет. И хоть они вместе начинали, выглядел старожильней. Может, у Лешки были старые жилы, старше, чем у Булочки. А может от того, что складывалось впечатление, что Лешка сторожит чего-то все время. То ли лагерь, как не приедешь в него, он уже тут как тут. Я, дескать, уже вас жду. Вторую смену наматываю, а вы где. Все в городе, или учитесь. Но, так, или иначе, а они вдвоем начинали еще с выездов на дачу, этакого уменьшенного прототипа пионерлагеря, только для совсем маленьких. Дача тоже была от фабрики, и находилась за решетчатым металлическим забором «Радуги». У этого забора очень часто толпились маленькие дети, чумадые и сопливые, и с интересом наблюдали за «взрослой» жизнью, которая ждала их впереди, мечтали скорее вырасти и попасть по другую сторону, некоторые, правда, не совсем сознательные, мечтали попасть домой к родителям – привели раз такого в палату, в постель положили спать днем, как всех. Тихий час и все тут. Спи. Да и хорошо спиться днем. Это Булочка потом понял, уже в более старшем возрасте. А пока в тихий час любил лежать у окна, у него кровать всегда у окна была, он же старожил. Первым из автобуса выскакивал, и в корпус. Пока все осматрятся на новом месте, пока чемоданы разберут свои, а он уже кровать занял у окна. Бывало, правда, находились охотники на чужое добро. Ну, это они зря. У охотников еще не было опыта, и стажа тоже не было, и старых жил. По неопытности, можно сказать, так и простить можно, конечно. И объяснить пытались. И словами тоже иногда. У окна оно же как, лежишь себе, на небо смотришь. А по нему облака разные. Плывут, форму меняют, превращаются, то в зверя диковиного, то в предмет обычный, или самолеты – летит он себе, а в нем люди, тоже куда-то летят. Кто к бабушке своей, а кто на море может быть. А за самолетом хвост тянется белый. И долго потом в небе висит. И думаешь, может, это из него облака получаются. Они тоже белые. Хорошо у окна. Так и пролежишь весь тихий час.

А новенького привели, он вроде поныл и заснул. А потом пора вставать, он лежит себе, только глазами хлопает, да одеяло на себя тянет. Ему мол, пойдём, полдник пропустишь. А он, знай свое, глаза пучит и одеяло не отпускает. Сняли с него одеяло, не голодным же оставлять, да лучше бы не снимали. Бедняга, как мучился, и стыдно, особенно перед девочками. Большой уже, а попроситься не мог. Делов-то, а теперь как, ему и вещи-то не принесли сменные, и откуда он. Отдал свои Булочка, колготки были у него в шкафчике, да шорты нашлись. Великоваты, но ничего, жить можно. Печенье с киселем не пропустили. А он все равно, домой хочу и все. Губы синие, сам тощий, голосок тоненький, ему бы каши манной, да с добавкой, да на харчах дачных отсидеться, да песню спеть, как поймали сорок шук. Зачем столько, не понятно, много ведь, сорок, не съесть. Но поймали, так поймали. А он все равно, домой хочу и все. Конечно, после такого, когда тобой вся палата пропахла, да проветрят, ничего, и хлоркой помогут опять же, а он не понимает.

Бывали такие дети, случалось. Как не бывать, вы сами попробуйте, если с рождения по музыкалкам и теннисам, а потом вдруг раз, и в ПээЛ. И маму звать начнешь, и бабушку

вспомнишь, и даже отчество ее, Драздрапермовна, сразу выговаривать начнешь, лишь только пришла бы она, приняла на руки вытянутые, прижала к плоской и успокоила покачиванием тихим. Но где там, кричи не кричи, только эти, в трусах синих обступят тебя, и головами покачают... не понимают... ни Булочка, ни Лешка Чугунков.

А Булочка с Лешкой все равно дружили с ними, что поделаешь. Но объяснить им, что самая ценная штука, ценнее всех гоночных машинок и танчиков, пап милиционеров и мам шеф-поваров – это возможность остаться в пионерском лагере на пересменок – так и не смогли, а может, не очень и старались, он один ведь такой, пересменок, может на всех и не хватить.

Ха-ха, пересменок!

И пусть смеются остальные засранцы, пусть смеются, не постичь им этого...

Ну да! Проснулся утром, но не от звука знакомого, под одеялом теплым потянулся – не слышно все равно надсадные старания музыканта духового, глаза открыл, головой повертел – пуста палата. На кровати привстал, затылок озабоченно пятерной за синяком потер – куда все подевались? Подумал, подумал, и на цыпочках за дверь – может, «Зарницу» проспал! так замотался, что и не предупредили тебя, не нашли, а искали, чтоб разведчиком назначить, или еще лучше – диверсантом, торопиться надо, как без тебя начнут? совсем совесть потеряли, что ли! Голову в щель просунул, а нет никого! Тело тогда остальное за головой протасил и на террасу деревянную, под тобой неслышно прогнувшуюся скрипом сосновым, ногу босую поставил, сквозь толщу подошвы почувствовав шелест масляной краски облезлой, и шляпку гвоздя, холодящую путь твой.

– Где все?

Воздух, непривычно прозрачный, вдруг проявил, доселе незримых, детали, резьбой деревянной клуба фронтоны, украшавших, и ласточек, стрекозами ставших, черно-белоконтрастными... рассекавших, пыль над дорогой, еще хранящей, ног беспокойных топот и гогот уставший, их больше не золотила своими боками осевшая пыль.

– Где все? Я больше не буду! Меня позабыли!

Но память вернется, вернется и друг твой, с улыбкой протянет тебе хлеба краюху – столовские встали, еду кочегарят – а где остальные? Не помнишь уже? Вчера на зеленых, нет, точно, на желтых, мы их провожали, а ты больше всех, кудрявой на память писал темно-синим, по галстуку красному почерком ровным, что мол – тебя не забуду, и скоро приеду, ты только не смейся, и письма пиши, до тети, до Маши, с приветом от Кати, а может, от Гали, скорее, от Нади; а точно, с кудрями та Оля была? с кудрями брюнетка, а я по блондинкам! сам, что ли не помнишь, ведь я же грузин!

– Как здорово, Леха, что ты это! Чего будем делать со всем этим богатством?

Булочка с террасы обвел взглядом весь лагерный инвентарь, останавливаясь на более недоступных в привычное время предметах – флаштоке с привязанным флагом и деревянной трибуне начальника. И немного приуныл.

Делать с этим богатством ничего не хотелось, особенно, если оно, кроме тебя, никому сейчас не нужно. Это уже и не богатство вовсе. Так, недоразумение только. Истинные ценности надо искать, вечные. На речку надо, срочно на речку. С разбегу, по склону крутому, на ходу все с себя – хорошо!

Потом одежду аккуратно на голову сложить, носками кверху, и, придерживая получившуюся стопочку рукой, пойти по каменистому дну, щекоча белендрысы свои быстрым потоком и грациозно покачивая худыми загорелыми спинами, дойти до глубокого места и пуститься дальше вплавь, загребая только одной рукой, потому как другая на голове одежду держит, по Чапаевски...

Пересменок!

Да не толкайся ты, как Василий Иванович на рельсах, всем места хватит! Всем достанется

со всеми качелями, каруселями, речками мелкашками и вонючками, дикими кабанами и дикими деревенскими, надувными лягушками и пожарными бочками, пахнувшими на солнце краской красной масляной разогретой. Да, всем достанется, да не всем выпадет. Как это? Бывает. Но Булочке и Лешке случилось, везло. Лешке, правда, больше. Жилы у него все-таки были старше. Отсутствие дисциплины и внимания со стороны взрослых, ну разве тебе повариха с кухни прокричит, чтоб за сухарями зашел, превращало и без того свободную жизнь во что-то феерическое. А обязательное построение с утра? Где там! Раз помнишь, со мной было тоже такое, стояли на линейке, а солнце зарядило, жуть. И вот смотрим, стали падать, то тут, то там, пионеры. Да прямо на газон стриженный. Как будто на расстреле. Косит их из пулемета, а они падают и падают, ты тоже тогда упал, руки вожатого подхватили тебя и в сторонку, в тень. Там уже и фельдшер в халате, что-то понюхать дали, вроде отлегло. А тебе еще сегодня в футбол. Ну, ничего, оклемался, пошел...

Остановите стрелку циферблата! Куда хочу теперь пойду я, компот желаний и привычек покажет путь мне хитроустроенный. Карманы сухарями полны, воды немного в них добавлю, из речки нашей из вонючки, айда купаться вместе с нами! Места ты знаешь, где не мелко, где надо плыть держась за ветку, чтоб не снесло течением быстрым, чтоб не снесло в далеко море. Ведь географию мы знаем, что все впадает и выходит, обед бы только не забыли, столовские, пока мы тут. А то опять придется в поле, идти на берег на колхозный, чтоб трескаться там горошек милый, не чешский, не чеширский, нет! Зеленый. Чтоб кабанов потом бесстрашно пугать музыкой громогласной, ломаясь валежником лесным. Хочу, чтоб был всегда таким, наш день и пересменок ясный, нас озарял. И был своим! Не я, мы все такие были, кто видел кабанов, кто нет, своими.

Сухари достанем, сыграем в салочки крапивой, и ну бежать, толкнув босыми. Землю, повернем чуть вспять и остановим, постоим, посмотрим и отпустим, пусть катиться, несет нам вечер с комарами, что затмевают собой звезды, мышей летучих и лицо. Твое, мое и ё моё.

А вечером хорошо, прилипнешь к остывающему подоконнику мягким местом и, глядя на оранжевый лес вдали, споешь сам себе песню:

*Пьяный, пьяный ежик
Залез на провода,
Током долбануло
Пьяного ежа.
Покупайте дети изоленту.*

Петь нужно на мотив группы BONEY M.

Имени Пятницкого

Забыл я, как лагерь назывался, тот, другой, после в него ездили пару раз.

«Маяк».

Хоть был Булочка там человеком новым, но предыдущие его пребывания в «Радуге» и накопленный жизненный опыт не составили большого труда быстро адаптироваться, занять в палате лучшую кровать, то есть кровать у окна и отдельный, на четырех человек, а не на половину отряда, стол в обеденном зале столовой. Там вообще все правильные какие-то были, примерные. Так, разве, пару персонажей и пытались высказаться по поводу, ты чего это, а потом хоть и остались не довольными, успокоились, а самый активный в конце смены приобрел все заработанное на лице своем – с тем и уехал. А лагерь был классический, ничего не обычного, та же Радуга, только другой планировки. Да девчонки другие. И ты уже взрослей. Интересно! помнишь, как за клубом, из-за одной, стенка на стенку с другим отрядом. И вроде девчонка не твоя была, ты с ней даже не дружил, а дружил кто-то из твоего отряда, и ты идешь, распалаясь на вечернем воздухе, он ветром теплым летним обдувает лицо твое возмущенное, как так, из другого отряда позарились, на наше. Не наша, ну все равно, он то наш? наш. И прохлада летнего вечера позволяет не потеть двум катающимся по свежей траве телам, при удобном случае молотящих друг друга кулаками по лицу. И ты стоишь за клубом, и синие сумерки обволакивают противоположный строй дымкой вечернего тумана, и разводящий из старшего отряда не дает сойтись стенкам, до первой крови, кричит, до первой. А потом летишь по высокой траве навстречу неизвестности, руками истошно в кулаки сжатыми, размахивая, пока не утыкаешься в противоположных. И вот достает тебя чья-то, и ты ухватившись за нее, катишься по мокрой туманом траве, подсознательно думая, что не отстираешь рубашку, и глупо было одевать на драку парадные штаны, а другие все равно в сушилке, и вариантов у тебя нет, не голым же идти на важное дело такое. А девчонка и впрямь симпатичная, да только не твоя, да разницы нет, драка все равно. И вот уже клешнями схватил ты захватом отработанным шею соперника, и катаетесь вы, и как кричит кто-то «шубись», или «шуба ребзы» орет, а одежда эта верхняя зимняя ничего хорошего не сулит, вожатого сулит в лучшем случае или, чего хуже, начальника. И бросаешься ты ланью пугливой кустами густыми темными в лес ближайший, и отдышавшись там, обретаешь вдруг в соседе рядом отдышавшемся не соперника толькочтового, а друга по опасности случившейся, и пробираетесь потом вместе тропами незнакомыми к корпусам своим, а там уже бегают, суетятся, вожатые, где пионеры мои гадские, кричат, я их, я их найду. А ты штаны отряхнул, и как ни в чем ни бывало подходишь, что случилось, интересуешься, и чего за шум.

Нет, не видел, не был, не знаю, не наш отряд, не наши были, деревенские наверное заходили. Ох уж эти деревенские, вечно они по вечерам лагерем интересуются. Все им дома по избам не сидится, книжек не читается, про то, как дева в избушке распевает. Проникнут вечером на территорию, и давай к девчонкам приставать, или к вожатым, что еще хуже, пока не погонят их старшие за ограду, не отобьют своих. Вот и сейчас, наверное, та же история, бегали какие-то, точно деревенские.

А ты ничего, ты мимо шел, и не делал ничего такого, и ведро с мочой, это не твоя идея, это само получилось, нянечка просто не заметила пару раз ведра, оно под кроватью стояло, и воды много пили, а в туалет ночью, сами знаете, как припирает, вот и полное получилось, и няня опять же. А разлили на пол пятнадцать литров, так это вы нашли кого заставить выносить, хотя кого еще заставишь, правильно, в общем. Что этих двух доходяг, они больше всех и писались в ведро, как в палату не зайдешь, стоят и писают, нет, что бы в туалет сбегать, или с крыльца в тихий час отлить, нет, им в ведро подавай, как маленьким. Конечно, уборщица потом отказалось полное выносить, оно же до краев, я им говорил, вы чего до краев, а они,

с мениском хотим, чтоб мениск был. Еле под кровать задвинули, мениск этот. Ну и выносили его конечно не правильно, один худой и высокий, другой маленький и толстый. Надо было одинаковых по росту брать, да где их возьмешь. Один на себя потянул, на противоположного полило, тот тоже поднимать от себя стал, она на первого пошла, так и раскачали волну, а когда уже шторм в ведре подняли, тут уже было не до выноса, тут тикать надо было быстро, пока не смыло потоком желтым аммиачным тебя с сандалиями синими твоими в носках белых грязных нестиранных. Вот Вам и потоп в палате, товарищ вожатый, аж пять сантиметров над уровнем чистого пола чистой мочи.

Ну, в общем, классический лагерь, как с картинки «стоянка римского легиона близ Таратуты». Ну, или типа того. Все как всегда. Те же домики и те же персонажи. Да не все. Те же персонажи. Он в принципе в кадр и не попал бы никогда, вел себя тихо, ... в теньке стоять предпочитая, и что-то тихо причитая, но выдавал размер его и тень не принимала, всего в объятия свои и обнажала, большие части, тела, а также туфли, башмаки, сандалии в носках на босу ногу также, рубашку в клетку и волан, и сразу кличка прилипла, нет, не попали вы, маман, продолжим дальше, если тело, в смятении своем и трепыханье, скорей уже бы полетело, над пашнями родными и в названье, нашло себя, но нет опять. Не попаданье. Давайте снова мы начнем игру в большие части тела, а что живот? Ну и в живот, большой, как матушка пропела, пропела, с молоком вытаскивая сиську. Так это был тот самый Граммсосиска! Ну как я сразу не узнал, ведь сказано так ловко было!

О, бедный мальчик! Или его субличность, проводить чудесную часть жизни – лето! Среди таких как ты, стремительных и ловких. Что в впопыхах не замечают, поэтов трепетных мученья, и все как будто понимают, но всем приносят огорченья, вожатым нянечкам ему. А я чего-то не пойму, ему за что? А как ты хочешь, бегать надо, по быстрому, без остановок и вообще – футбол опять и все такое, та же зарница на носу, а он в отряде как в лесу, заблудится, поймут, отберут погоны, про пароль узнают, тайный, и айда, на нас! Попрут!

И, до свиданья!

Поэтому пришлось побить, его, не очень сильно, так, для проформы, вдруг он врет и симулирует движенья, вдруг спортсмен он, второразрядник или выше, там типа кмс по биатлону, или в штанге сильный, или многоборец он румяный, метатель молота под пуки – поэтому и били скромно. Без отяга и надрыва, ну вдруг он побежит за нами, вдруг взорвется и обнаружит славу силы. Так еще догонит и враз по башне настучит. Хотя. Быть может тренера сказали, когда его к нам отправляли, не бегай не пляши не прыгай, и там к девчонкам не ногой, мол ты один за спорт в ответе, один ты с твердой головой, за Родину на соревнованиях юниоров, метнешь куда подальше серп и молот, а мы тебе медальку вручим. Поэтому не поддавайся, как защищаться, мы тебя научим.

Не побежал, не дрогнул, полежал, немного к мыслям привыкая, встал, отряхнулся и пошел. Не заложил! Так может все-таки спортсмен, или боится ржавых стен!

Да как же ты не побоялся, на голову тебя он выше, а весом килограмм на сто. Его ты даже не обнимешь, если что!

...Даже и с таким можно, не силой, так скоростью, за худого всегда скорость заступается, и еще ловкость, как червяк в огромных руках крутись, и никто тебя не ухватит, червяка не за что ухватить, хоть пополам его рви, хоть на три части, а он все равно ими по отдельности крутит, норовит вместе соединить, стиль червяка – вот оружие худого. А еще есть «быстрый глист», этого даже Булочка не умел. Но попадались специалисты гутаперчивые.

Все-таки к концу смены Жиртрест Лимонад Граммсосиска (а это было его полное имя) научился бегать. То ли жизнь заставила, то ли Булочка с друзьями, но научился. Более того, на концерте самодеятельности неожиданно открылся талант толстяка. Никто поначалу не придавал значения, подумаешь, хор какой-то, какого-то имени Пятницкого, но произошло чудо,

толстый мальчик спел со сцены, всего-то какого-то «Чибиса» пионерского, а как его зауважали после, а как тронуло всех из отряда. Больше его особо не обижали, берегли талант.

Театральный кружок

Любите ли. Театр. Ну, не так. Не так, как наша учительница начальных классов, и уж точно, не как преподавательница Дома Пионеров, и уж наверняка, не как несравненная классная англичанка, взявшая нас после третьего. Уж она-то понимала толк в искусстве, особенно в зрелищах. По театрам походили славно, что говорить, буфет один чего стоил, всю душу вымочит в антракте, не всегда ведь в кармане звенели пятнадцатикопеечные, да и десятиюнчики, тоже не всегда, что уж про двадцарики говорить, медь звенела обычно. А пирожные в буфете – самое дешевое от пятнадцати как раз, и то позавчерашнее по виду, одно уж на подносе лежит два антракта, никто не берет...

Раз взяли с братом такое, не пирожное, правда, булку взяли в булочной, когда с хоккея возвращались, дворового. Зашли в помещение теплое, отряхнули колени белые, клюшки деревянные в угол поставили, шапки зайца черного с ушами с голов мокрых от ходьбы сорвали, и тут же по носу получили запах тепла размякшего и хлеба сдобного. Ты помнишь, как пахла вечерняя булочная зимой с мороза если в нее под закрытие, да к деревянным полкам глазами прильнут, да посмотреть сквозь их плоскость наклонную, к тебе пустым брюхом обращенную, в щель глазами детскими зоркими, мелькнет, может, где халат продавщицы бойкой белой, или грузчика синий, что тележку новую на утро вкатывают, вкатывают, но не выкладывают, а ты в надежде: вдохнешь ноздрями крошки душистые, и что осталось, пробежишь быстрыми, и ну, мять вилкой – может, свежее. А есть очень хочется, а на двоих только одиннадцать мелочью морозной, а она лежит в вечерней булочной одна на полке, и больше никого рядом. Я ее вилкой на веревке помял, помял – вроде нормальная, говорю, вроде давится, взяли, на кассу понесли. А там тетя добродушная во весь кассовый терминал улыбается всем телом, ну что, выбрали, красавцы с коленями оттянутыми. Выбрали, тетенька, выбрали мы Вас уже давно. В самые добрые тетеньки выбрали, но это потом, а сейчас булку диетическую, мы таких даже и не ели, попробуем. Все батоны по тринадцать, редко по двадцать пять с чаем, если мягкие. Мягкие. Вилка эта мягкая у Вас, тетенька добрая, вилка прогибается, а булка нет, она уже тут неделю не прогибается, а вилка прогиб сталью своей сымитировала, вот мы за нее и ухватились, чугунные. До дома только корочку с одной стороны надгрызть удалось, с одной стороны, а другой гвоздь в землю мерзлую одним ударом бы вогнать можно было в памятник памяти вашей несравненная тетенька добрая. Да где уж нам, детям малым, вас жалить, перетерпим и это, и одиннадцать морозных копеек на двоих тоже.

...И руки в карманах держишь, перебираешь копейчатые в медь, потрясываешь их пальцами в кармане, как зерна их распыляешь по дну его, а потом опять в горсть собираешь, как будто в надежде, что проросли уже, и больше их стало, или затерялась, может одна, а сейчас нашлась. Да нет, все те же, пятак потертый, два трюльника, один дореформенный, необычная цифра три на нем, двушка для автомата, да копейки, в трясучку наигранные, как раз пятнадцать по счету выходит, только на этот сухарь обсп орехами и хватает. Так и написано: «обсп орехами». Потолкаешься, потолкаешься в очереди, помотришь, что народ набирает, сожмешь свои кулаком в кармане, уж лучше мороженное потом в киоске после школы, если десятикопеечное привезут опять же. Если привезут. Очень Булочке десятикопеечное нравилось, две вафли, а посередине оно. И хоть не сливочный пломбир, молочное, но нравилось. За свои десять копеек и нравилось, да бывало не часто, видно не он один любил, десятикопеечное. Было еще, правда, совсем редкое, фруктовое, за цену волшебную, небывалую. Мужик как-то перед Булочкой в очереди целую коробку купил, она еще в окошко не пролезала, через дверь подавали ему, и Булочке тогда не досталось семикопеечного счастья, кончилось на нем, а на большее у него и не было. Он это-то караулил каждый день, и такая вот не задача. Упорх-

нуло счастье, точнее, уехало на жигулях вместе с дядечкой в коробке. И побрел Булочка домой, английский учить, айс крим его душу мать.

И как так, рассуждал он, не сходится что-то в спектакле, с жизнью не сходится. Папа там заграничный сыну своему на Новый год все подарок не мог подобрать, не хватало ему средств, несчастному, безработный потому что он был, такая вот обстановка у них напряженная, не все право на труд имеют. И хватало папику этому только на магнитофон двухкассетный японский, о чем он сыну по телефону все отделение жаловался, так мол, и так, прости, на мопед с мотоциклом не хватило, только на магнитофон двухкассетный японский. А ты карманом в антракте позвенишь медью, да сойдешься в туалете в трясучку, может, повезет на орла, может, выиграешь еще пару копеек сегодня...

А англичанка не только театр, она и кино уважала. Запомнилось особенно Булочке одно, на всю жизнь запомнилось, три ночи потом не спал. По сравнению с ним легенда о Динозавре – сад детский. Про белорусских партизан кино было, и про мальчика одного, он все к ним в отряд хотел попасть, и попал потом. Про войну фильмы любил Булочка, и тут все с оружием ходили, он надеялся, стрелять начнут да гранаты взрывать, а они ходят да ходят, в каком-то темноцветном влажном пространстве, а ты все войнушку ждешь, ждешь, и поэтому глаза не отводишь в сторону, а потом уже и отвести не можешь, и выходишь на улицу прямо из зала, и молчишь долго, до самого дома, и ночью не спишь, и не страшно, а не спишь, все перед глазами ходят они, ходят...

А начальных учительница, та по своему к театру тяготела, в третьем классе, чтобы отвлечь детей от вредного влияния улицы и приобщить к ценностям мировой культуры, повела записываться в Дом пионеров в кружок театральный. Но так как количество мест было ограничено, а привели весь класс, решено было провести конкурс, и наиболее одаренных оставить, а остальных опять отдать на произвол и воспитание улицы. Конкурс был серьезный: нужно было на выбор спеть песню, рассказать стихотворение или басню.

Все по очереди чего-то рассказывали, но все это было скучно и не интересно. Интересна была Булочке только недавно услышанная, на улице конечно, от одного приятеля, песня. Так как юный еще не пионер обладал способностью с первого раза запоминать любое рифмованное сочинение, эта песня крутилась в его голове и рвалась на волю. Ведь песня была крутая, про ковбоев, точнее, ковбойцев. Когда дошла, наконец, очередь до Булочки, он встал и запел:

*Ярко светит луна,
Схоронясь за листвою.
По дороге лесной,
Едут трое ковбоев.
Трое верных друзей,
Три ножа, три нагана,
Трое верных коней.
Из далекой Гаваны, о-о-о...
Вдруг вдали огонек,
Кони дико заржали.
Это был кабачок
Одноглазого Гарри.
Трое слезли с коней,
Пояса подтянули,
И в открытую дверь
Вместе трое шагнули, о-о-о...*

Руководительница кружка, сухощавая женщина неопределенного возраста в больших роговых очках, не дала Булочке закончить это великое произведение. А там еще было про перестрелку с поножовщиной, и про то, как по принципу десяти негрят, по дороге уже едут два ковбоя, а после очередного кабачка, уже один, из далекой Гаваны, о-о-о...

Надо отметить, что у Булочки напрочь отсутствовал музыкальный слух, но разве это было важно, ведь слова-то какие – про ковбойцев.

В театральный кружок Булочку не приняли. Он был очень удивлен. Пришлось пойти в авиамодельный.

Выжигать на фанерке выжигательным аппаратом детские картинки, куда отправили всех не принятых, интереса не было. Булочка потом ходил даже на концерт, который дали счастливики, и даже позавидовал несколько такому счастью – быть артистом.

Но дома его ждал свежесобранный бумажный змей, и его запуску только мешал все никак не кончающийся спектакль.

Хоккей

*И скорая снова потащит больного,
И падая, снег заглушит ее крик.
Я знаю, зима уже скоро...
И скорая снова потащит больного.*

Досуг дошкольный проводи, в саду, или с бабушкой в подагре, в рот ничего ты не бери, а после палки руки мой исправно.

Не бери ветку от дерева, бери доску от ящика, найди в кустах или в углу намокшем, с весны лежат уже, промокли доски, серым цветом, гвоздем подернуты уже. Ты оторви их аккуратно, отлучи от дома, хватит, им быть единым неделимым. И будет клюшка или палка, тебе гонять до посиненья. А посиненье ведь наступит. Дружки собрались, и вы вместе. Начали. Хоккей дурацкий летом. На задворках, стекла биты, биты стекла. Ты знал об этом. Не бери. А как не брать? Овощной ведь рядом, жалко так оставить, ценность ведь такая, с весны лежит, никто не замечает. А ты заметил, заложил, до случая, и вот пришел он – хоккеем летним. Дури много, и стекла осколков. Ты об этом помнил, но в порыве, забудешь все. И руки расстопырев, упрешься в них.

*На утренней заре жених...
До свадьбы заживет бесследно.
И поплетешься в лазарет.
Где тетя есть, а счастья нет.*

Закапал красным все уже – асфальт, лужайку перед входом. Дай посмотреть, кричали все, и не давали мне проходу, когда я с поднятой рукой, как командир бригады конной, чтоб кровь поменьше вытекала, ну и чтобы было видно всем, и ей, в одной руке держа глюкало, то, чем играют в летний мяч, шел в лазарет. Прекрасен путь мой был геройский, один над детской толпой, в лучах полуденного солнца, я брел с понурой головой.

И как теперь мне в лагерь ехать, рука, как у боксера перед боем, только в белом, и болит...

У боксера тоже ведь болит, иногда, ну так он на то и боксер, а я? А я чего же, да ладно, все равно поеду, раненный геройски, в сражениях на деревянных клюшках, так героя, быть может, лучше примут, лагерь новый, и может быть отдельная палата, с окном и койкой у него, и все приходят посмотреть.

Но не проходит что-то долго, болит, а я бинтую часто, то есть каждый день хожу на перевязку. И строго тетя говорит:

– Не нравится он мне чего-то!?

Говорит моей сестре, тогда я с нею в лагерь ездил. Так строго говорит, сама строга, как на войне, – Не нравится вот что-то мне!

– И мне не нравится Вишневский! – я ей кричу, – Он пахнет сильно! А мажете Вы им обильно!

– То-то дело, – мне тетя грустно отвечает. – А ну-ка, поддержи его! – и в сторону сестры кивает.

Что было тут, о том расскажут только стены, и тех уж нет наверно деревянных, только эхо, над прудом рябью пропоет.

Если Вы попросите об этом пруд, где плот, а на плоту мужик. Он спит. Был праздник у него вчера. Храпит. Неосторожный путник он. Им вся палата. Пропахла. Его и вынесли во двор. А там до пруда недалече. Поставили кровать на плот. И оттолкнули. Он поплыл. Ну,

в смысле, плот. Поплыл. Мужик на нем. Храпит. Уже не сильно пахнет. Он все дальше. И легкой рябью лишь колышет, его. И плот его. Уютно. Убаюкал ветер. Так до обеда и проспал, на завтрак не попал, а зря, печенье выдавали и какао. С пенкой.

Ну ладно, расскажи серьезно, как было все, и как ты спасся!

Все так и было.

Пинцетом длинным, как кинжал, вонзилась тетя доктор в руку.

...А дальше был звук, звук стали о стекло. Вам какой больше всего не нравится? Иголкой по стеклу когда, или пенопластом о пенопласт.

Меня вот лично последнее выводит. Хотя и первое тоже неприятно, но терпимо. Поэтому и я стерпел, не уронил достоинство героя!

А вот если бы пенопласт там оказался, тогда точно бы не вынес, пал бы духом.

А так, ладно, ковыряйтесь, все равно не вырваться, вырывайте, чего там нашли лишнего, мы потерпим.

Триумфом опыта с любознательностью, если у врачей вообще бывает любознательность, был итог операции под названием «я тебя все равно вылечу, мальчик». Спасибо, на самом деле, действительно, спасибо! Не у всех она бывает, эта самая любознательность, но, случается, везет.

И главное ведь, без наркоза. Хоть дали бы нашатырю понюхать, иль спирта, каплю дали. Или хотя бы тонким слоем, намазали б язык, и губы тоже бы макнули.

Язык жених и ветер вдули б уговором легким, и было бы не так все страшно.

Но нет же, как настоящего героя – сестра держала, фельдшер плакал, когда вытаскивал его. Огромный красный треугольник торжественно на свет.

И вот пинцет!

в руках хирурга над головой и я живой. И радостный, и заживает быстро рана, Вишневский больше не болит, опять слова, что ты жених, как это глупо право, тети, звучит. Из ваших уст. Отец хранит, потом исправно, в кармане пиджака, и достает его любовно, в платок завернутый кусок – кусок стекла неровный треугольник.

*...И-и-и плакали сестры как дети,
Ланцет у хирурга дрожал.
(2 раза)*

Первое сентября

Не помнил Булочка, чтобы с ним вместе во дворе гуляли его родители, точнее, не во дворе даже. А во дворах, правильнее было бы сказать, у подъезда своего мальчишка недолго задерживался, разве товарища из соседней коробочки подождать, или соседа с третьего. Хорошие были родители у соседа с третьего, красивые люди. Выглянут бывало в окно, проверить, здесь ли их еще отпрыск, встанут у проема, папа высокий с голым торсом чуть в глубине, а мама с плечами округлыми белыми голыми перегнется через подоконник, так что волосы ее светлые вниз прядями спадают, и общаются в таком положении со своим сыном, вроде и гуляет тот сам по себе, и вроде под присмотром опять же. Булочка тоже вместе с соседом голову задерет наверх, прищуриться, и давай любоваться чужими родителями, а с другой стороны, ну и что, Булочка свободен, а Вовчику дальше подъезда все равно нельзя, а на свободу никакую маму с ложбиной глубокой между скрещенных на груди руках не поменяешь, тут тебе и гостиница строящаяся с электродами, и железка за забором, и речка-вонючка, да всего не перечислишь, и все за одну маму-блондинку.

Поэтому, не помнил, чтоб гуляли. Отец, правда, иногда играл вместе с ним и другими детьми в футбол или, как полагалось зимой, в хоккей. Не помнил, чтобы они говорили ему, во сколько он должен вернуться домой – Булочка уходил домой со двора вместе с последним приятелем, когда уже темнело настолько, что игра в прятки превращалась в посмешище над водящим, а окна домов мерцали теплым голубоватым цветом телевизоров. Не помнил, чтобы ему ограничивали территорию передвижения, поэтому он был непосредственным свидетелем строительства в Москве некоторых Олимпийских объектов. Переходить дорогу самостоятельно он умел всегда, сколько себя помнил. Правда, ему пришлось официально зарегистрировать это умение у отца, на его глазах преодолев перекресток. Отец решил немного задержаться у скверика, в газоне которого у Булочки с приятелями был монетный двор. Там местная детвора добывала пробки для последующего превращения их путем расплющивания в монету. Булочка перешел перекресток, оглянулся, помахал отцу рукой, и растворился в зелени дворов.

Поэтому, когда встал вопрос о том, кто поведет сына первого сентября в первый класс, вообще, кто поведет сына в первый класс, вопрос отпал сам собою. Сам себя и поведет. С утра Булочке вручили букет гладиолусов, ранец, мешок со сменной обувью и отправили в школу. Отец, правда, все-таки довел его до соседнего двора, где Булочка встретил компанию своих друзей, идущих в школу по той же причине, при этом некоторые, правда девочки, имели в сопровождении пап или мам, но дальше дорога в школу и на завод расходились, отец повернул направо, и немного взволнованный мальчик зашагал на встречу знаниям. Один. Символично, но грызть гранит науки ему пришлось также самостоятельно. Отец подолгу отсутствовал в командировках, а мама была отлучена от участия с первых дней, дав неправильное решение задачи по математике. Булочка предлагал свое, но некое сомнения все-таки побудило его обратиться за советом к старшим. К маме то есть. Мама и была рада помочь, да в жизни ее было много куда более интересных вещей, а задача, она и в школе своей не очень, чтоб успевала, да где там успевание, пока до школы двенадцать километров в весеннюю распутицу лесом дойдешь, вроде как уже и обратно пора, а если не распутица, так змеи на солнце так и норовят погреться выползти. А зимой-то вообще, пока через все сугробы нашагаешься, некогда учиться – все время в пути.

Получив двойку, Булочка понял, что дорога к знаниям, это дорога в одиночку. По крайней мере, без родителей. И действительно, с тех пор их участие сводилось только к тому, чтобы крикнуть для проформы:

– Ты уроки сделал?

– Сделал!

– Ты чего криво сидишь на стуле!

– Я нормально сажу. Подпиши вот здесь дневник. Тебе грамота из школы. За отличное воспитание сына.

Но это было потом, а пока будущий школяр весело вышагивал в пестрой толпе таких же, как и он, будущих первоклашек. И их залитая раннеосенним солнцем группа была точь в точь, как с картинки в букваре, хотя картинка эта не совсем соответствовала Булочкиным привычным образам, не стыковались эти образы с обтекаемыми предметами, которыми букварные дети пользовались, с мотороллером там, или с береткой вместо привычного головного убора, пылесос был не такой, как в жизни, а еще портрет Гагарина на стене и деревянные игрушки, не совпадало это с прямоугольной реальностью привычного окружения, но успокаивал себя ученик тем, что страна большая, разные, наверное, школы в ней, и республики разные, вот и ходят дети разные странно одетые, как букварные дети, и предметы у них поэтому могут быть странные.

Стоя на торжественной линейке, посвященной первому учебному дню, Булочка с восхищением разглядывал десятиклассницу, говорившую с трибуны торжественные слова от имени школы, от имени всех десятиклассников и от имени еще кого-то всех, всех Булочка не разобрал. Мальчик не сводил взгляда с девушки. Все в ней было восхитительно и волнующе. И округлое лицо с ямочками на щеках, и большие выразительные глаза, влажные от волнения, и потому может карие, и изящный стан, ловко подчеркнутый коричневым платьем, настолько ловко, что это не мог перебить даже белый фартук, лямки которого обнаруживали приятный профиль груди, и ноги, немного крепкие, но как раз такие, какие нравились. Такие прыгали с корабля в черно-белом фильме, а может, это был черно-белым телевизор «Березка» или другой какой, но название кто сейчас упомнит, остался лишь этот кадр, прыгает девушка в белой одежде, прямо в море прыгает, и вода приклеивает мокрую ночную рубашку к трепещущему телу, обнажая недоступное, волнующее.

– А сейчас, – подвела итоги красота, – Пусть ребята из 10-го «А» возьмут за руки первоклашек и поведут их в школу. В их просторные и светлые классы. И пусть этот день навсегда останется в их памяти...

Девушка все еще что-то говорила, говорила, а Булочка, как замороженный, стоял и смотрел на нее, пока десятиклассники сине-коричневой толпой обрушивались на малолеток и разбирали себе по партнеру. Не что не могло оторвать его взгляда, который блуждал по ее фигуре, не понимая, на чем остановиться, то ли на лице, то ли на очаровательных округлостях груди, то ли на ногах. Неожиданно он осознал, что не достался никому, что стоит совершенно не разобраный никем, никому не нужный, в ряду счастливых обладателей старших. Это как когда поезд прибывает, из него горохом высыпают на перрон люди, чемоданы, мешки, их подхватывают, вырывают, кричат Ваня, я здесь, именно здесь, потому что Вань много, а здесь один, а ты стоишь посреди ликующей толпы, как маленький утес среди бушующего моря и думаешь – не нужен, что ли никому.

Булочка беспомощно повертел туда-сюда головой, лес старшеклассников загораживал даже солнце, и не найдя в глазах рядом стоящих взрослых понимания, сам того не ожидая, заплакал. Нижняя челюсть его поднялась вверх, обиженно оттопырив нижнюю губу, верхняя губа подрагивала, а по щекам предательски катились слезы.

– Здесь стоит первоклашек и плачет! – закричал кто-то.

– Что такое, что случилось? – облако чьих-то волос обволокло мокрое лицо Булочки, – Ты чего плачешь?

– Мне никто не достался, – всхлипывал мальчик. Голос показался знакомым, и обида тут же стала проходить, и становилось как-то приятно, приятно. И даже неудобно перед ней, такой красивой.

– Не переживай, я отведу тебя в школу!

И первым из всех собравшихся, гордо неся перед собой букет гладиолусов, ведомый за руку самой красивой десятиклассницей, Булочка вступил в школу.

Это потом он понял, что тяжесть учебы во многом зависит от качественного состава одноклассников. Что иногда четверка в одной школе приравнивается к пятерке с плюсом в другой. Это потом. А сейчас ему было интересно и легко. За исключением некоторых вещей, которые никак не хотели укладываться в его голове. Типа, если есть правила, то тогда зачем придумывать к ним исключения. Добрая седая учительница объясняла малышам про «оро» и «оло», например «корова», или «молоко». Булочка старательно запоминал.

– Ага, – думал он, – Не все так пишется, как слышится. Есть правила.

На следующий день писали диктант.

– Мальчик стучит в барабан.

– Ага, – думал сознательный ученик, – Как раз недавно проходили. Знаю, знаю.

«Боробан» – старательно вывел Булочка и сдал работу.

Тройка за диктант пошатнула его веру в справедливость и правила. Без правил было тяжело, без них даже во дворе играть было невозможно, а тут школа. И на тебе. У Булочки было ощущение, что его обманули.

Зато когда в школе всех детей собрали фотографироваться в актовом зале, на Булочке кончилась пленка. Фотограф пощелкал затвором и сообщил, все мол, кончилась пленка. Гуляя пока парень, жуй опилки, или как там у вас, свободен, как негр в Африке, или в полете, как фанера над Парижем. Выбирай сам, что тебе ближе, и отдыхай пока. Пока я чего, пока я пленку поменяю. Великое дело, товарищ фотограф, и мудреное, наверное, учиться надо хорошо, чтоб так вот по школам ездить, и пленки менять, а потом в комнатке маленькой красной, теснокрасной, убого обставленной, разъеденной парами реактивов, потеть в носках черных и семейках всю ночь над смешными и глупыми лицами, даже не имея возможности их дифференцировать, выбрать наиболее привлекательные, из старшеньких конечно, чтоб потом на стенку на обои старые замасленные булавкой, приятелям показывать, вот мол – и с этой, и с этой.

Перед фотосессией ученик старательно укладывал косую челку, но когда выяснилось, что пленки нет, расстроился, и челка сама собою опала на лоб диагональю. В таком виде Булочка вторично предстал перед объективом. На сей раз все сложилось отлично, и на общеклассной фотографии красуются два Булочки, один веселый и причесанный, другой грустный и с косой челкой на лбу, но оба загорелые и с выгоревшими волосами. Близнецы, да и только. Все-таки оставался у фотографа еще один кадр, а он уже думал, что пленка кончилась.

Загорелое лицо с выгоревшими волосами Булочка получил в результате своего путешествия на Кавказ. Целью поездки был город Сухуми. Отличный город, город Сухуми. Номера автобусов, таких раньше и не видывали, номер один, например, или номер два. Это не то, что в Москве, трехзначные все сплошь номера. Два лучше, он на море возил, да, на море, но до моря пока доедешь, сколько всего интересного увидишь. Какие дренажные каналы вдоль дорог, идешь бывало мимо, смотришь в канаву, а она на тебя, это как, а еще бывает, вдруг грязь из канавы поднимается и навстречу тебе, трехсоткилограммовой тушкой свиной затрусит, как будто у тебя вкуснятины всякой по карманам набито, а там, кроме инжира свежесорванного, нежного, в тугой переливающейся кожуре, и нет ничего. А ей все равно, идет на тебя, а может и мимо. А ты автобуса ждешь, чтоб на море, номер два значит. И пылишь потом на нем радостный, и думаешь, зачем это девушка туфельку свою не бросила, что в стрелку железнодорожную попала, а поезд шел, гудел, он все видел, и она его, но все надеялась, все пыталась туфельку вынуть, жалко ведь, теперь вот как без нее, и без ноги тоже. И не надо по рельсам ходить, а если и ходить, то там, где стрелок нет. А на море хорошо, кукурузой пахнет, и мороженым с хлебом тетя накормит, он ведь тогда с тетей Зиной, да, и с дядей Пашей поехал. Точно, и с Ларисой, дочь у них была, старше его года на четыре. Да к ней интереса не было, а вот к ловле раков

ночью на горной речке, был. Встанешь по колено в воду, а вода холодная, горная, и руку под камень засовываешь, а там рак. Или он тебя, или ты его на берег бросаешь, а они расползаются, кому в котелок охота самостоятельно, а еще рыбки мелкие подплывут к тебе, и давай больно так, за ноги кусать. Так с хлебом почему же? а чтоб горло не болело, объясняли – на солнце ведь жарко, а мороженное холодное, от разницы температур и заболит. Физика. А может, чтоб он наелся заодно? В общем, не нравилось Булочке мороженное с белым хлебом, не нравилось, да перед людьми чужими неудобно, ел.

*Цыпленок жареный, цыпленок пареный
Пошел на речку погулять.
Его поймали, арестовали
Велели паспорт показать.
А паспорта нету,
Гони монету.
Монеты нет
Иди в тюрьму.
Тюрьма закрыта,
Иди в корыто,
И милицейский без трусов....*

С раннего детства, сколько себя помнил и даже раньше. Раньше, это потому что мама ему потом говорила, что мол, рисовал ты сынок, как научился карандаш держать в руках, ходить еще не умел, а уже рисовал.

Да и, правда, какие были варианты себя развлечь по-другому. Никаких, скажешь ты. А вот и нет! Были варианты, были. Берешь картонку по тверже коричневую, упаковочную такую из магазина, или гофру, в общем, что на помойке ближайшей отыщется, то и берешь, линейкой деревянной «Школьная 3 коп.» аккуратно границы разметишь, где надо, засечки козьей ногой насквозь поставишь, и тогда за главное. Сапожным ножом, доведенным на шкурке нулевке до отчаянья, аккуратно полосуешь по наведенным контурам, где насквозь, а где только для острастки, для загиба то есть. Потом отмечаешь на пол все лишнее, сгибаешь по краям оставленное, и вот она – форма будущей радости твоей, одежда новая, для сердца музыкального, что недавно с улицы принес. Вот он: и моторчик, и головка с пассиком, и трансформатор с динамиком, все разрознено пока, держась друг за друга кровяными сосудами проволочными висит. А ты новое тело как раз для этих внутренностей только что сварганил. Новое тристо-второе тело. 302 нью, да и только. Где изолянт, где пластилином спорные места закрепил, подмазал, где отверткой поработал, и вот она, краше прежней, и легче.

Не смейтесь! У меня богатый опыт в создании моделей. Не знаю, откуда это пошло, от беззаботно-бедного детства, от неразумной фантазии, или дар Божественный это, тот, что ищут другие всю жизнь, ходят, оглядываются по сторонам, за углы заглядывая, землю копают, где ты? – кричат в темноту густую, отзовись! Мы уже и на урок музыки сходили с бабушкой, и на пение, и нотную грамоту как свои пять, а завтра в художку, лепили с дедушкой из глины весь вечер коня, коняку четырехногого калечного, а после на теннис, ракетка торчит у нас из сумки спортивной, ручкой кожаной, и скрипки футляр няня сжимает в руках костлявых, очки на носу поправляя съехавшие.

Где ты, плеск рук в минуту славы, данный нам за страдания наши старательные, почему не идешь к нам радостью обещанной? Синяки под глазами плачут по тебе безудержно в подушку ночную цветастую, пальцы ломит от смычка тяжелого, в попу бы его учительнице по музыке засунуть, и по живописи – тоже в попу! В попу! Родителям по очереди смычок этот, приехали уже на модели третью, жигулей оранжевых, четыре фары спереди на решетке хро-

мированной. Сейчас будут спрашивать, сначала борода папина поинтересуется, потом за ним химия мамина подоспеет:

– Покажи, Радость, науку за день приобретенную, что сегодня за день выучил?

Сожмешь в кулаке смычек до красноты, сожмешь, и... – а сам на футбол, на двор школьный, или юбку по короче – и туда же, в зрители.

Вон Булочка, весь вечер гоняет в кедах китайских «Два мяча» мячи по полю. И ничего ему за это не делается, а только талант один прибавляется. Как возьмет в руки карандаш с ластиком, да ручку шариковую, если возьмет синюю, враз танчик или солдат по бумаге фашистский бежит, рукава рубашки по локоть закатав, а на волосатых – часы наручные по четыре штуки в ряд, трофейные, все больше «Полеты» золотые, или дрозд на ветке весну встречает, цифру восемь под мартом сопровождая. И всегда так, с рождения его самого, еще не говорил он, а уже было. Ничего у него не было, а главное – было. К обоям ли подойдет на стенке с красками, к простыне белой с чернилами, везде дороги с домами вырастают, и корабли по ним на всех парусах. Затихнет если где сосредоточено, знай, придем скоро на интерес любоваться диковинный. Спасибо Ему за это, спасибо огромное.

Слушать просто музыку из магнитофона, в этом нет ничего, кроме мажорской обывательщины, хотя, если разобраться по-честному, может, заслужили они таких родителей, ну не они, так кто-то за них заслужил, старался давно и изо всех сил, правильно все делал и в соответствии с Ним поступал, как учил и велел, вот и вышла земная радость наружу, но не тогда, а сейчас именно поспела, и живет человек, радуется, не понимая подчас, за что; и не цена сиюминутности счастливой, обрекает себя на сомнения грешные, входит в искушение, неведением своим покрытый. А и хорошо, что неведение, с другой стороны. Может и хорошо это. Так бы знал человек, или сообщили бы ему, что вот мол, все что имеешь, это не ты заслужил, это душа твоя за заслуги прошлые получила, а ты живи и радуйся за так. Вот тогда может смятение и накрыть, вот тогда соблазн доказательства может наружу и вылезти, а я как же! – воскликнуть, чем я, чем она, и тот, другой. Нет, чтобы в благодарности остаток провести, с улыбкой счастливой. Тяжело вот так иногда, труднее уровень заданный поддерживать, чем к вершине ползти. Сорвешься, упадешь, ничего, скажут, за битого больше выторгуем, а не долеешь, опять скажут – ничего, отдохни, в другой раз. Поэтому, чтоб уровень ровно держать, лучше не знать вовсе, за что и как, а чувствовать просто, что так и быть должно.

*А шкаф, тот, что делил их комнату... ..
..... – тыльной
стороной нравился Булочке очень... ..
.....
..... из модных
иностраннных журналов...,,
..... таких
красивых не видел он больше нигде. А одна
....., как раз..
на уровне глаз. и Булочки. Встречались
они часто.
Полям ромашковым.. телом белым,
.... фотография,
И этого достаточно,
Ибо поверх из ромашек выглядывали,
Округлостями своими волшебными,
..... блондинки длинноволосой,
..... сиськи,*

*Сиськи? Сиськи!....., рельсы, рельсы!
Шпалы, шпалы, ехал поезд запоздалый.,
Из последнего вагона вдруг рассыпалось пиено...
....., пришли куры поклевали.....!
Пришли гуси пощипали.!
–, пришел слон... потоптал пришла
слониха потоптала. Пришел
слоненок потоптал.!
Пришел дворник,?
..... все подмел,,
..... – Пришел
директор.. .. – магазина.. ..
Поставил стол, стул, печатную машинку,
и начал печатать: Вот тут-то самое
интересное.
..... –
Дорогие мои дочки!.....,
.....,
Точки, точки, точки, точки,.. ..
высылаю вам чулочки
Точки, точки, точки, точки, А чулочки
не простые... ..
Точки, точки, точки, точки....., а чулочки....
..... золотые.
Поставил печать,?
.....,?
И отправил письмо!
Письмо шло-шло-шло.. ..
.....,
....., шло-шло-шло... ..,
..... –!
..... шло-шло-шло.
И наконец, пришло!
А ты говоришь: «Сиськи!»*

Мама потом почему-то оборвала красоту всю эту, и за шкафом стало уныло и грустно. Это похоже на то, как будто вас лишили любимого хомячка. Вы уехали на все лето, а они решили, что все само забудется, и лишили. Решили – и лишили. А потом удивляются – плечами пожимают, мол, не было никого никогда, но потом сдают и сообщают, что отдали тете знакомой на сохранение, и что обязательно скоро к ней поедем, и она его покажет, и даже, наверное, нет, скорее всего, даже, отдаст! И вот вы у тете долгожданной, месяца через три оказываетесь, внимательно молча обходите комнату – и, где спрашиваете, куда смотреть? Они опять удивляются, не забыл ведь, вот память-то, лучше бы уроки учил! Но уроки мы и так учим, получше вашего, к нам вопросов нет. От этого и проблемы с нами, очевидно – не за что зацепиться в воспитании – мы и в школе успеваем, и во дворе. Так что отдавайте хомяка – и домой. И тут выясняется, что он сбежал, ночью, один, и без прикрытия. Взял, накануне, и улизнул под покровом. Может, вернется, да, обязательно вернется, они всегда возвращаются, и тогда, уж точно, обязательно и всенепременно, (это я столько синонимов знаю – они меньшим

количеством апеллировали), мы приедем и его заберем, откормленного и пушистее прежнего, темного и в пятнах. А, белый твой был, ну, значит, белого... вонючего...

Купил себе Гена велосипед без багажника.

А Чебурашка его просит:

– Гена, покатай меня, ну Гена, покатай.

– Как же я тебя покатаю, у меня же багажника нет.

– А ты на руле меня покатай.

Посадил Гена Чебурашку на руль и поехал.

Останавливает их милиционер и говорит:

– Сними с руля!

А Чебурашка ему обиженно отвечает:

– Я не Сруль, я Чебурашка.

Олимпиада 80

*Москоу, Москоу,
Забросаем бомбами,
Закидаем танками,
Будет вам олимпиада,
Ё-ха-ха-ха-ха.....*

Петь на известную мелодию ВИА «Чингизхан»

То лето было последним. Последним летом пребывания Булочки в пионерлагере «Радуга». Не то чтобы последним летом вообще, последнего лета вообще не бывает, разве зимой, и то, в феврале, когда уже кажется, ну хватит, хватит, не могу больше этой погоды, солнца дайте, солнца! На-ка, на-ка тебе солнца – а нету, нету.

Ты когда первый раз увидел? Что увидел? Пакетики с соком и трубочкой. Тогда и увидел, а ты? И я. Вот. А банки, банки жестяные, у них крышечку наверху нужно ногтем поддеть, зацепив за кольцо, и тянуть медленно, чтоб не расплескать. Красивые были банки, и пакеты тоже красивые. И вкусные, и пахли. И тепло было, и музыка электронная отовсюду, необычная, здорово. И все ходят довольные, как будто получили что, или ждут, что получают. А золотую медаль как отличить, просто ведь. Надкусить ее зубами надо, то есть впиться в нее сильно передними. Если след останется – золотая, однозначно, если нет, то бронзовая. А про серебро не понятно. Кусай, не кусай, не понятно. И все ходят в спортивном. И в полоску, у кого две, а у кого и три. Три конечно лучше, чем две, а еще бывает одна, и вообще, без полос бывает.

У физкультурника нашего, не было полос, и колени оттянуты были, зато джинсы. Это да, на попе висели, как паруса с карманами, когда вечером в клуб на танцы все соберутся, и все в джинсах, и физкультурник, и пионервожатые, так, те первые, обтянутся ими со всех сторон, а попу сильнее всего, и давай ею синей джинсовой по сторонам, и только клеша полощутся, платформу обнажая. И футболки в обlipку, и грудь в такт вниз-вверх, и цветомузыка, и шар с зеркальцами под потолком, и все похожи на бременских музыкантов. И тесно в маленьком клубе от движущихся в мерцающем свете разгоряченных тел, и ты снуешь между ними, впитываешь что-то, что и сам не знаешь, просто удалось тебе сегодня под дверь палаты полотенце вафельное подсунуть, чтобы стул алюминиевый без грохота на пол упал, тот, которым обычно дверь на ночь подпирают для сигнализации, но и ты в школе не зря время проводишь, не зря предметы разные посещаешь, физику например, да не было еще тогда физики, ну так просто и так понятно, что на вафельное бесшумно стул легкий алюминиевый упадет, и откроешь ты тогда дверь палаты, и по веранде неслышно в носках держа сандалии на улицу прыгнешь, и в клуб.

А там движение...

А в Москве полным ходом Олимпиада-80, добро пожаловать в Москву, Олимпиада Восьмидесятвна, добро пожаловать, в красавицу Москву! Все это, правда, проходило мимо, потому что Булочка, как почти все детское население города, был вывезен за его пределы, причем, чтобы дети не мешали совсем, в пионерлагерях сократили число смен до двух, удлинив, таким образом, каждую до 45 дней, и максимально сократив пересменок. Булочка даже между сменами не попал в Москву. И если обычно это считалось за редкую удачу, то в этот год все было по-иному. По-иному. Приехавшие во вторую рассказывали о каких-то невероятных чудесах. Одним удавалось попробовать соков из тех самых бумажных пакетиков с трубочками, другим напиток вдоволь «Пепси-Колы», чудесного напитка с газами. Позже, уже в середине

80-х, школьный приятель Булочки рассказывал, как ему довелось попробовать «Кока-Колу», не путать с «Пепси», редкой штуки по тем временам, и что напиток этот с градусом, так как голову приятелю после долго кружило. Голова, правда, у приятеля была большая, и может от этого ее кружило. Но, так или иначе, в это верилось.

Чтобы пионеры не рвались домой к родителям, упорно муссировались слухи об иностранцах, шныряющих по городу и раздающих оставшимся детям отравленную жвачку, а знакомый толстяк авторитетно заявлял, что в пластинку жвачки иностранцы вставляют лезвие от бритвы, и такой жвачкой очень легко порезаться, одного мальчика еле спасли. Булочка и еще несколько одичавших персонажей, с которыми он тянул лямку пересменка, слушали, затаив дыхание. А Булочка представлял, как идет по городу, а кругом люди странно одетые, и все подходят к тебе, улыбаются большими белыми зубами, и жвачку протягивают, одобрительно кивая. Мол, не бойся, бери. А хочется, страсть, но ты про лезвие уже знаешь, и поэтому сразу в рот ее запихивать не будешь, целиком то есть. Этот мальчик не подумал просто. А Булочка, он что, он ее пополам разломает, внутрь пластины заглянет, и нет там никакого лезвия, значит хороший иностранец, коммунист или сочувствующий. Но это только в мечтах. А на самом деле, где его возьмешь, иностранца этого, в пионерском лагере, в глуши этой, да еще со жвачкой. Но все равно, привезли им атмосферу не здешнюю, не привычную. Везде это чувствовалось, необъяснимо пахло в воздухе. А пустая жестяная банка из-под сока долго хранила в себе аромат напитка.

...Им в первый раз захотелось домой. Домой. В принципе, никто из них не был против домой, там тоже было довольно не плохо, но здесь было лучше, лучше, но не сегодня. Сегодня лучше было там, где Олимпийский Мишка. И их глаза жадно ловили в лицах приехавших на вторую смену пионеров отблески пропущенного счастья, и по щекам, чумазым и поэтому казавшихся небритыми, такими небритыми пионерскими щеками, текли слезы досады.

А чего они, сами виноваты. Компания быстро покидала территорию большой лужи, у берегов которой топталось несколько вновь прибывших пионеров. В Нептуна немного поиграли, и все. С кем не бывает, не надо близко к воде подходить, там же Нептун. Но новенькие этого не знали. Их бешенный рев привлек внимание вожатых, и компания поспешила ретироваться. Булочка даже решил линейку не посещать, боясь быть в торжественный момент узнанным и наказанным. А стоять и краснеть у трибуны, на глазах у всех товарищей, как те двое, что в прошлом году объелись детского клубничного мыла, а потом всю ночь в изоляторе их тошнило мыльными пузырями, он не любил. Булочка тогда ангину подхватил жуткую. Все надеялся, попьет теплого молока и пройдет. А она не унимается. И вот уже третий день хуже и хуже. А лето дождливое было, а палаты без отопления. Зайдешь в них, сыростью пахнет, хоть плесень разводи. Сапоги поставишь, рядом носки поставишь – сушить негде, вот с утра опять в них ноги засунешь, и пошел по лужам шлепать. Где там сухость найти, только в сушилке если, и то, если открыта она. Раз штаны там сушиться повесил, и забыл про них. Так они потом как деревянные были, можно гвозди было ими забивать, так высохли. Но тут не углядел, за гигиеной не всегда угнаться. Походил пару дней, думал само пройдет, а все хуже. Уже и говорить не мог, и пить уже больно. Да и молоко, оно же разве горячее, так, теплое чуть. Одна радость – линейки отменили, и то. В клуб вечером зайдешь, туман внутри висит, так надышат. Но все равно видно главные кадры. Видно, если механик не забудет, как в прошлый раз, их рукой прикрыть. Красивая тетя, ничего не скажешь, тишина аж повисает в воздухе, когда секунд пять до момента главного остается. И вот он, точнее она, на крыше загорает, сначала просто загорает, а потом... Главное, чтоб механик забыл.

Так вот, лежал тогда он с ангиной, а ночью этих двоих привели, из младшего отряда. Они плачут, и сквозь слезы друг на друга пальцем тычут, мол, это он все. А фельдшер им два пальца и тазик под ноги, а они сидят на полу, как фокусники, и мыльные пузыри ртом пускают.

Водички попьют, два пальца фельдшера в рот вставят, и давай пузыри по всему изолятору пускать. С запахом клубники.

Надо сказать, что экспериментаторско-естествоиспытательский дух присутствовал почти у всех пионеров, сознательного и несознательного возраста. Не у всех поголовно, были осторожные персонажи до своего здоровья, у них просто мало его было, и тратить попусту столь ценную штуку им было жалко. Их тоже было жалко, они же не знали самого главного правила, сколько потратишь, столько и прибудет, да еще и больше, если не подорвешься, конечно, от усердия траты. А ходить жадиной к тому, что есть у тебя, да с избытком, не интересно, правда, обычно больше ничего у тебя и не было. И заключалось это не только в том, чтобы повыше или поглубже куда-то залезть – а еще и съесть что-нибудь этакого. Лягушек, правда, никто не пробовал, у них было другое, «нефранцузское» назначение, а вот смешать палочками все остатки от посылок родителей, а потом эту странную на вид субстанцию, съесть, это да. Булочка сам был свидетелем, как группа юных футболистов акриловой краской наносила номера на футболки перед матчем, макая кисти в емкость, и как у одного спортсмена упал туда сухарик, и как он, нисколько не задумываясь, съел его и радостно закивал товарищам, мол, вкусно очень. И как товарищи стали макать в краску сухари, и, причмокивая, их уплетать.

Да что там! первооткрыватели все были заправские. Сказать больше, отчаянно смелые, не щадящие для будущей науки ни животов, не кишок своих прямых. Александр, друг сердешный, обнаружил как-то на задворках дачного участка своего ванну времен военного времени. Для полива огорода в нее вода дождевая собиралась, а в отсутствии водопровода этот источник влаги был необходим набирающему обороты сельскому хозяйству. Но к моменту обнаружения последней водопровод уже провели, а ванная осталась. Так и стояла на задворках, продолжая нести свою бессменную вахту хранильницы урожая. Пока ее не обнаружил наш прыткий следопыт в галстук.

К тому времени летнего солнцестояния полированную плоскость воды покрывала живописная патина прошедших лет. На состаренной природой поверхностью бездвижно лежали цветными лоскутами упавшие листья. Ни что не нарушало течение густого рассола, безвременье постигло его, ибо даже зимой маленький чугунный пруд не замерзал, давая приют зимним птичкам, который падали в его ил удрученными тушками, попробовав чудного настоя. Даже насекомые летом обходили стороной этот призрак водоема. Редкая стрекоза фиолетовым цветом своим сливалась с поверхностью, спасаясь от жирующих стрижей. И это нетленное спокойствие, которое не мог поколебать даже случайный кривой ветерок, по кривости своей заглянувший за угол дома, гипнотически манил и горячо нашептывал в ухо – искупайся во мне, я – лечебный раствор!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.